

Юрий СМИРНОВ

НЕ КРИВЯ ДУШОЙ

Раздел: МОЯ АТЛАНТИДА
(Ветер странствий)

ДЕЛЬФИНЫ

Раскинулась рябь штилевой бесконечной равнины.
 Шёл траулер с тралом по сини безбрежной устало.
 Всё было обычно, но кто-то вдруг крикнул: «Дельфины!»
 И, как по команде, команда к фальшборту припала.
 Глядели восторженно все на пловцов белобрюхих.
 Такие они вытворяли для нас пируэты!
 Мотивом знакомым морским доносилось до слуха,
 Как брызги фонтанов звенели солёным приветом.
 Бродяги весёлые, спутники всех мореходов
 Забавно плескались и ждали за пляску оваций
 И, верно, беззвучно кричали собратьям под воду:
 «Смотрите, здесь люди, они нас совсем не боятся!»
 Тянулись широт океанских рыбацкие мили,
 Отстукивал дизель привычно ворчливые ноты.
 Конечно, они б никогда не исчезли под килем,
 Не будь рокового того разворота.
 Трал вира! Визжали надсадно лебёдки,
 Но поздно: тела их, запутаны делью,
 Средь груди лоснящейся жирной селёдки
 На палубе мокрой, блестя, холодели.
 Прополз чей-то голос над нами: «Ребята, кончайте...»
 Их бережно вниз опустили по слипу – плывите.
 Над мачтами чайка пропела, рыдая: «Прощайте...» -
 И в каждом из нас прозвучало тоскливо: «Простите...»

ЧАЙКИ

Морская легенда гласит:
 «Чайки – души погибших моряков»

Штормовой океан в буйстве грозен и страшен.
 Сотни миль ни души, только ветра неистовый визг.
 Плачут чайки над мачтами – вечные спутницы наши, -
 С нами делят они долгих плаваний риск.

Говорят, что когда-то у птиц этих были
 Своя цель, свой корабль, свой флагман и флаг,
 Никогда эти птицы гнёзд уютных не вили
 По законам неписаным вечных бродяг.
 Как столетье назад, их романтики жажда
 Вслед за судном ведёт в просоленную жуть.
 Души тех моряков, не пришедших однажды,
 Белокрылыми чайками продолжают свой путь.
 Им неведома трусость и слабость, как людям,
 Друг в беде у них брошен не будет один.
 Вот за это мы чаек, как девушек, любим
 И в обиду во все времена не дадим.
 Кто из них был фортуной забыт и покинут,
 Не найдя свой далёкий оставленный порт,
 Кто смертельно был ранен предательски в спину,
 Кто крушеньем нагадано брошен за борт?
 В этих судьбах встречались то мели, то скалы,
 И не каждому дан был победы венец.
 Их мечты покрывали зловещие шквалы,
 Их бесстрашью смеялся горячий свинец.
 И рыдают, и плачут над мачтой они,
 Пену волн от досады глотая,
 Потому что на рифах спасенья огни
 Маяки не всегда зажигают.
 Чайки, плакать не надо! Мы продолжим ваш путь,
 Мы поспорим за вас с океаном,
 Мы сумеем, как вы, ни на румб не свернуть,
 Если глянет опасность в глаза нам.

НАДЕЖДА

Отшумели ветра, ураганы прошли,
 Не беснуются злые тайфуны;
 На камнях перевала, от моря вдали -
 Зверобойная старая шхуна.

Людям помнить заслуг всех её не дано,
 Обошлись они с ней, как невежды.
 И осталось от шхуны название одно:
 Романтичное имя – «Надежда».

Истрепались давно в прах её паруса,
 Непогодой изъедены реи...
 Не вернётся к ней больше былая краса,
 Экипаж мрак кают не согреет.

Бродит ветер по юту, как пьяный матрос,
Рвёт истлевшие ванты угрюмо.
И дожди, как потоки нахлынувших слёз,
Заливают прогнившие трюмы.

Ей не видеть походов больших и удач,
Не вернуться из рейсов счастливых,
Только чаек немолкнущий, стонущий плач
Вечно слушать над мёртвым заливом.

Ей не выйти за синюю далёких морей,
Не собрать свои прежние силы,
Не поднять заржавевших своих якорей,
Не уйти с сухопутной могилы.

Ей не рваться сквозь бури, как встарь много лет,
Не спешить в тихий порт, как и прежде.
И у шхуны теперь никакой больше нет,
Никакой на спасенье надежды.

Ей бы снова бушпритом туманы кроить,
Лесть в пучину, бортами скрипя.
Ей бы флаг на флагшток... Эх, да что говорить,
Если бросили люди тебя!

ОТХОД

Вира трап! И упали с причала швартовы,
Простонали над портом прощально гудки корабля...
Эти сцены не новы, поверьте, но очень суровы;
Это горько, когда рубит с нами швартовы земля.

Жадно взгляды хватают на память родные пейзажи,
Зачеркнул всё земное надолго кильватер уже.
И никто никогда никому не расскажет,
Что творится во время отхода в рыбацкой душе.

Будет пеной морской в бесконечной разлуке
Таять молодость и красота наших жён.
Для чего эту флотскую злую науку
Из людей кто-то вечно вот так изучать обречён?

На морскую судьбу мы не держим обиды,
Свой скитальческий крест каждый молча несёт.

Тайно веря, что где-то свою Атлантиду
Средь штормов и туманов однажды найдёт.

Беспокойные сны о покинутой суше
Нам приснятся на гребне холодной волны.
Мы вернёмся, традиций морских не нарушив,
Ведь всегда моряки возвращаться куда-то должны.

Пусть огонь маяка океана оковы
В светлый праздник прихода для нас разорвёт.
Вы набросьте на кнехты скорее швартовы,
Может быть, на земле ещё кто-то нас ждёт.

МЫ

Приходим мы на флот по доброй воле,
Спасаясь от обыденных проблем,
И нас заносит в судовые роли –
Кого на рейс, кого на два, кого совсем.
Не верьте в романтические сказки
О дальних странах, чудных островах –
Свинцово-серые на море больше краски,
В холодных продолжительных тонах.
На сотни миль вокруг земного звука
Ты не услышишь здесь наверняка.
Нет в нашем лексиконе слова – Скука.
Есть слово неизменное – Тоска.
Нрав океана крут, суров, изменчив,
То ласков он, то страшен, то сердит.
У нас нехватка постоянно женщин
И твёрдой суши вечный дефицит.
Путины дни политы нашим потом,
Кто скажет вам: «Я болен, я устал»?
Такую уж мы выбрали работу –
Быть слабым не велит морской устав.
Нередко чувства с мыслями в раздоре,
Нередко выбор бесит или злит.
Мы неформально труженики моря,
Формально – только жители земли.
Порой дешёвой сигарете рады,
Мы не канючим, что наш мир жесток.
Мы слушаем не песни хит-парадов,
А якорных цепей тяжёлый рок.

ВЫБОР

Немало грустных есть историй,
 Как в беззаботность ни играй.
 Сказала ты: «Я или море –
 Без промедленья выбирай».
 Что мог на это я ответить,
 Пусть самой лучшей ты была?
 Имел две радости на свете:
 Тебя и море – два крыла.
 Известно, что наполовину
 Себя никак не разорвёшь.
 Расстались мы, я порт покинул,
 Надеюсь, что простишь, поймёшь.
 Но письма и радиogramмы
 В мой адрес почта не несла:
 Своим молчанием упрямым
 Ты всё сказала, что могла.
 Моей женой ты стать могла бы,
 Но кто-то бы сказал потом:
 «Он море бросил из-за бабы,
 Он вовсе не был моряком».
 Зачем теперь об этом спорить,
 Кто виноват, кто прав из нас?
 В одном уверен я, что море
 Меня так подло не предаст.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Я всё чаще скован печалью,
 Не развеять её, не забыть.
 Что-то манит в синие дали
 Белым парусом плыть.
 Где солёных широт владения,
 Островов волшебных видения –
 Там живёт моё поколение
 В вечном подвиге покорения.
 Ветер странствий зовёт и гонит
 Шар земной подержать на ладони.
 Ради этого, право, стоит
 О земном позабыть покое.

ПОД ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Под полярной звездой начинаю с нуля
Я свой путь по бескрайней холодной пустыне.
За бортом корабля ледяные поля
В полынях, как в цветах, с неба брошенных синью.
Нет сокровищ таких даже у короля –
Выбирай по любому желанью:
Здесь разлив серебра, здесь дворцы хрусталя
Отливают волшебным сияньем.
Сигареты бесценный окурок смоля,
Не могу я поверить, полмира изъездив,
В то, что где-то сейчас есть весна и земля
В городах из янтарных созвездий.
Там теперь зеленеют уже тополя,
Там дурманит в лучах пьяным запахом клевер.
Ну а здесь – ледяные седые поля
С леденящим названием – Север.
Не беда, что глаза от сиянья болят,
Льды нарядной фатой безупречно белеют.
И поэтому в этих холодных полях
Наши прошлые дни так заботливо греют.

В РЕЙС

Сегодня, друг мой, пей до дна,
Прощаньем с берегом будь взвенчан.
Полгода нам не пить вина,
Не целовать полгода женщин.
Полгода слушать нам с тобой
Ветров солёных злые оды,
Идти дорогой штормовой
Все эти долгие полгода.
Мы в первый раз с тобой идём
За горизонт, вперёд, к восходу.
Потом допьём и допоём
В свой праздник радостный прихода.
Напрасно не гляди с тоской
На тех, кто не был в море сроду.
Им не понять души морской,
Живущей грёзами полгода.
Нет, мне не нужен жребий их,
На берегу живущих годы,
Знать лишь из фильмов да из книг
Морских историй эпизоды.
Кого из нас устанут ждать
Благополучию в угоду?

Я верю, сможем устоять,
 Как в качках, в бедах и невзгодах.
 Зовут мечты в чужую даль
 Пройти сполна огни и воды.
 И ради этого не жаль
 Из жизни вычеркнуть полгода.

МОРСКОЙ ВОЛК

Ещё в ушах вокзальный гам гудит,
 Экспресс мне марш торжественно отстукал.
 Что для меня дороги восемь суток,
 Когда вся жизнь почти что впереди?..
 Мечты осуществлённой краткий миг!
 На палубу взойти совсем не трудно.
 Мой дом теперь – потрепанное судно,
 Души наивной белоснежный бриг.
 Уже в ладони врезался мазут.
 К соседу по каюте дяде Боре
 Я пристаю с вопросами о море
 И жду, когда швартовы отдадут.
 Шпангоуты, брамшпили, леера –
 Морской язык да якорей наколки.
 Он был морским невыдуманным волком,
 Таким, о ком читал ещё вчера.
 Мне неженкой казаться не с руки,
 Я пил с ним, морщась с непривычки, водку,
 Ходить учился палубной походкой,
 Стараясь записаться в моряки.
 Так началась моя морская жизнь,
 Ничем не примечательна из сотен.
 А сколько их, таких, у нас на флоте!
 ...Дороги наши скоро разошлись.
 Встречались между рейсами случайно,
 Кивал я: как дела, хозяин моря?
 Мне отвечал на шутку дядя Боря
 Всегда одно – дела идут нормально.
 Прошли года, корабль – не санаторий,
 Обмыли волны молодости спесь,
 И почему-то почти каждый рейс
 Я вспоминал всё чаще дядю Борю.
 Гонконг, Бангкок, Коломбо, Сингапур;
 Какой моряк не грезит «кругосветкой»?
 Но биографию порой в заграниккету
 По пунктам трудно втиснуть чересчур.

А в кадрах линий северных не жаль,
 Во льдах любуйся мило на торосы,
 Своё лицо советского матроса
 Показывай белухам и моржам.
 Его слова сбылись, скажи на милость, -
 Я прочно вписан в судовую роль,
 Широт морских седая злая соль
 Уже и мне в мои виски вцепилась.
 В семейной жизни полный оверкиль...
 Кто виноват? Искать теперь напрасно.
 Известно – море с берега прекрасно.
 Кому нужна разлука в сотни миль?
 Я тоже не нажил себе добра
 На всю свою моряцкую зарплату.
 Такая участь: не копить, а тратить,
 Игра в моря – азартная игра.
 Мне кто-то из друзей случайно скажет,
 Не вызвав слёз и безутешность горя:
 «В каюте сидя, умер дядя Боря,
 В тринадцатом подменном экипаже...»
 Как в рейс, уходит он в иные дали,
 И, со своим прощаясь моряком,
 На гроб копейки выделил базком
 Да кореша, кто что могли, собрали.
 Притихли вдруг в заливе корабли –
 Он многих знал от клотика до киля,
 Морей немало вместе исходили,
 Шторма и штили поровну делили,
 По честному делили, как могли.
 Мы шли без оркестровых скорбных нот
 Отдать ему морской поклон последний.
 И кто из нас теперь его наследник,
 Кого вот так же похоронит флот?..

КОГДА-ТО МЕНЯ ПРОВОЖАЛИ

Когда-то меня провожали
 В манящие синие дали.
 Рыдали и ждать обещали,
 Потом, невзначай, забывали.
 Надолго покинутый берег
 Запер заветные двери.
 Напрасно звонить и стучаться:
 Вновь открывают нечасто.
 Тоскливые долгие рейсы,

Как бесконечные рельсы,
 Уносят лучшие годы
 В морские солёные воды.
 Не будет, поверьте, побряжки
 Ни сильным, ни мягкотелым –
 Поровну на тельняшке
 И тёмных полос, и белых.
 Мечты паруса истлели,
 Выцвел романтики глянец.
 Я в море без курса и цели
 Иду, как «Летучий голландец».
 Мне вслед только белые чайки
 Плачут навзрыд без утайки,
 Да головы кранов причальных
 Склонились в поклоне прощальном.

НАХОДКА

Запел, рыдая, ваер на лебёдке
 Тугой стальной натянутой струной.
 Нам шторм поёт устало о Находке,
 И мы не слышим музыки иной.

Находка-порт, Находка-порт, Находка,
 Ты месяцами снишься лишь во сне.
 По Ленинской идут твои красотки
 Без нас, смеясь и радуясь весне.

По возрасту с тобой мы одногодки,
 Томясь, считаешь время день за днём,
 Когда особой палубной походкой
 Мы шумно в твои улицы войдём.

Находка-порт, Находка-порт. Находка –
 Для тех, кто не устал ещё искать.
 А если в этой песне грусти нотки,
 Их в море можно запросто понять.

Романтикой уже мы сыты вот как.
 В корму, попутный ветер, дуй и вей.
 Находка-порт, Находка-порт, Находка,
 Встречай же своих блудных сыновей!

МЫ ЧАСТО НЕ В ЛАДАХ С КУЛЬТУРОЙ РЕЧИ

Мы часто не в ладах с культурой речи,
 Бывает, что с отчаянья матрос
 Такое бросит колкое словечко,
 Как лопнувший тугой манильский трос.
 Полгода нам не вырваться из плена
 Льдов и туманов в северных морях.
 Здесь женщинам действительную цену
 Все знают, только вслух не говорят.
 Нас не волнуют измененья моды –
 На робе знаков фирм известных нет.
 Одежда наша для любой погоды
 Рассчитана на очень много лет.
 Мы носим бороды совсем не для фасона
 И всё лелеем тайную мечту,
 Чтоб взгляд упёрся не в крыло циклона,
 А просто в городскую суету.
 Без выходных полгода в изобатах
 Мы ловим свои длинные рубли,
 Но не деньгами вовсе здесь богаты,
 От берега родимого вдали...
 Икра и крабы нам не лезут в глотки –
 Для нас иные ценности важны.
 А за приход мы выпьем вместе с водкой
 Знакомых спящих улиц тишины.

МОРСКИМ БРОДЯГАМ

Не успокоит блаженством обитель земная
 Тех, кто привык с океаном, как с другом, на «ты».
 Тянутся тишью по борту сегодня Гавайи,
 Завтра заблещут сияньем полярные льды.
 Счастья какого иного могу пожелать я,
 Большого что у богини удачи просить,
 Если дано мне пройти сквозь шторма и проклятья,
 Взглядом лаская желанного берега нить?
 Что ещё может быть сердцу милей и дороже,
 Кроме бескрайних, манящих солёных широт?
 Выцветший флаг на флагштоке трепещет, как Роджер,
 Стрелка компаса за грань горизонта зовёт.
 Однообразием жизнь никого не согреет,
 Вот потому я отчаянно в плаванье рвусь.
 Должен же кто-то пройти до конца одиссею,
 Ту, из которой назад не пришёл Лаперуз.
 В холод не бросит от мёртвого слова «разлука»,

Манит неясностью (несбыточным?) старый седой океан.
 В южных морях мне сигналият матросы Джеймс Кука,
 Через столетья глядит на меня Магеллан.
 Пусть говорят: «Уходить непростительно глупо
 В рваный туман, в ураган из уютных квартир».
 На горизонте – идут каравеллы Колумба,
 За горизонтом – никем не исхоженный мир.

АВРАЛ

С ладоней кожу рвал аврал.
 Лёг шторм на плечи экипажа,
 Корабль скренился и стонал,
 Дробя огнями ночи сажу.
 Тайфун – экзамен для мужчин,
 Гнал волны без конца и края,
 Железо нервов и машин
 Как бы на прочность проверяя.
 Ища в глазах команды слёз,
 Тревога притаилась тенью.
 Радист в эфир отстукать SOS
 Всё ждал последнего мгновенья.
 Всё обошлось, был дан отбой.
 В каюте кто-то бледный-бледный
 Решил: вернуться бы домой –
 И будет этот рейс последним.
 А тот, кто прочно навсегда
 Душой к путине принайтован,
 Лишь только вспомнит иногда
 Аврал, вновь к плаванью готовый.
 Для всех свободный выбор дан
 Морского стажа дни ускорить,
 Так отбирает океан
 Надёжных тружеников моря.
 + + +

Запели дружно дизеля:
 Прощай, земля, прощай, земля.
 На мачте поднят флаг отхода –
 Уходим в море на полгода.

Что нас зовёт, что нас ведёт
 В арктический колючий лёд?
 Где нет деревьев и цветов,
 Где каждый ко всему готов.

Надёжно крепит экипаж
 По-штормовому такелаж,
 И «цинк» майнают про запас –
 Кому из нас?..

+ + +

Мне не нужен удел короля,
 Ни к чему мне ни лавры, ни званья.
 Я по трапу схожу с корабля,
 В сердце боль затаив с ликованием.

Кто же не был вот так потрясён
 Видом берега после путины?
 Когда в мыслях всплывают, как сон,
 Чайки, волны, шторма и дельфины.

Всё танцует вокруг и поёт,
 Возвратитесь – узнаете сами,
 Как земля, словно судно плывёт,
 Как на суше штормит под ногами.

РЫБАКИ

Нет на море красных чисел,
 Длятся вахты дни и ночи.
 Все другие дни превысил
 Наш рыбацкий день рабочий.

Серебрится соль на робе
 Да звенит в оснастке ветер.
 Люди здесь особой пробы,
 На земле таких не встретишь.

Поднят трал. Улов богатый,
 Первый сорт, что надо рыбка!
 И искрятся в бородастых
 Лицах светлые улыбки.

Нет на море красных чисел,
 Ожиданьем берег дразнит.
 Со своей морской добычей
 В порт придём – и будет ПРАЗДНИК!

ПУТИНА

Штормами борта потёрты,
Ржавчиной корпус облит;
Болтаемся месяц четвёртый
Вдали от родной земли.

В припадке морской болезни
Побледнел новичок-матрос.
Да, море любит железных,
Не знающих стонов и слёз.

Друг вон в котором рейсе
С качками всё на «Вы».
Говорят, легендарный Нельсон
К ним так никогда не привык.

Сменяются волны зыбью,
День-два – и опять циклон.
Хоть, как Садко в безрыбье
К Нептуну идти на поклон.

Когда мы деньгами сорим,
Крича оркестрантам: «Играй!» -
Многие думают, море –
Это полнейший рай.

Не каждый попробовать хочет,
И это порой даже злит,
Какие они на ощупь,
Длинные наши рубли.

Конечно, со счётов не скину,
Деньги играют роль.
Но кто лишь за ними – в путину,
Горька тому рейса соль.

Не любованье синью
В наших живёт умах.
Море – обитель сильных
В бедах, в дружбе, в штормах.

ЮЖНЫЕ КУРИЛЫ

Оторван от мира наш маленький мир:
Уруп, Итуруп, Шикотан, Кунашир.
Здесь климат суровый подолгу царит,
Смеясь над названием Южных Курил.

Лежат на остывших вулканах снега,
Свирепые волны грызут берега.
Грозят постоянно судам рыбаков
Поля голубые дрейфующих льдов.

Запуталось солнце в седых облаках,
На эти широты не взглянет никак.
Коварны циклонов залётных повадки,
Но мы здесь привыкли: есть бухта Касатка.

Укроет рыбацкая наша столица!
Пускай океан и бунтует и злится –
Проверим на прочность морские нервишки,
И судну, и людям нужна передышка.

Уютно и тихо, привычно, как дома,
Швартуясь, встречаем друзей и знакомых.
Какие кругом бело-синие краски!
Стоят корабли – разных видов и классов:

Там танкер под берегом дремлет устало,
Беднягу порядком в пути потрепало.
Два сейнера выбрали место получше,
Ревёт, загружаясь, большой перегрузчик.

Звеня якорьцепью, красивый «войка»
На рейде становится спешно на якорь,
Красуясь в сторонке, у самого входа,
Стоят две громады плавучих заводов.

Вон траулер, жалобным голосом бедствий
Гудит, надрываясь: «Пустите погреться!»
Снуют суетливо озябшие чайки,
Кричат недовольно: «Мы, мы здесь хозяйки!»

Глядят с любопытством, надменно и гордо
Под бортом усатые сивучьи морды:
Совсем не боятся, подходят так близко,
Гордясь постоянной курильской пропиской.

Нетрудно причислить к отряду домашних –
Гагар длинношеих в атласных рубашках.

Вертявые боты трещат и хлопчут:
Развозят судам долгожданную почту,
А вечером в глянец холодный залива
Огни кораблей льются радужным ливнем.

И кажется - город волшебный и чудный
Плывёт невесомо-сверкающей грудой...
Утихнет к утру непогода немного,
Суда разойдутся солёной дорогой,

Оставив Касатки покой неохотно...
Кому-то – романтика,
Нам же – работа!

+ + +

Не верьте тому, кто скажет,
Что в наше шальное время
Нет места мужским поступкам
В эпоху размытых лет.
Я видел у нас на флоте
Людей особое племя,
Я жил с ними близко, рядом,
И дружбой их был согрет.

Я видел, когда в машине
Взметнулся очаг пожара,
Как бесстрашно бросались
Как по команде в огонь.
Я видел, как после вахты
Пела, смеясь, гитара,
Такое плясались пляски
На палубе под гармонь!

Я видел – рычало море
Неистовыми штормами,
Со стоном ложились мачты
На грозный девятый вал.
Держали парни стихию
Мозолистыми руками,
И лёгкой другой дороги
Из них никто не искал.

Я видел в небритых лицах
 Тоску по родному дому,
 Счастливые слёзы встречи,
 Неукротимость сил.
 Мне жизнь их, выдавших виды,
 До мелочей знакома,
 Я видел парней отличных .
 Я видел.
 Я с ними был.

+ + +

Утихнет вдруг капризный норд,
 Корабль наш, красив и горд,
 Под чаек праздничный эскорт
 Придёт однажды утром в порт.

Солёными ветрами тёрт,
 От радости ни жив ни мёртв,
 Увижу, чем не шутит чёрт,
 Как полетят цветы на борт!

НАЗВАНИЯ

Я живу в морском порту.
 Как немножко подрасту,
 С крабом купят мне фуражку,
 Компас, карту и тельняшку,
 И уже один, без взрослых,
 Я пойду на флот матросом.
 Стать бывалым моряком
 Очень даже нелегко.
 Старший брат меня с собой
 Взял на судно в выходной.
 Мы пришли с ним утром в порт
 И по трапу – раз на борт.
 Всем, кто к морю не привык
 Я замечу, кстати,
 Судовой морской язык
 Очень непонятен.
 Выучить довольно трудно
 Сразу все названья судна.
 Я же их учу, учу –

Моряком ведь стать хочу.
Разговаривали с вами
Иностранными словами?
Драить бак, ботдек, корму.
Вы поймёте? Я – пойму.
Но и я понять не мог,
Что за зооуголок
Завели на корабле,
Хотя мне уже семь лет.
Может, кто-то не поверит:
Есть на судне птицы-звери,
Но нигде их не видать.
Кто поможет отгадать?
На борту кипит работка,
Сдают грузы на причал.
- Не работают лебёдки! –
С верхней палубы кричат.
Посмотрел я, но нигде
Не увидел лебедей.
Они носят тяжести.
Как? Вы мне подскажите?
Уронили за борт груз
Совсем не понарошку,
Я достать его берусь,
Дайте быстро кошку.
Не понятно ни черта –
Нет ни кошки, ни кота –
Кошки плавать не умеют,
Груз волной снести успеет.
Боцман важно говорил
Одному матросу:
Возьми новый крокодил
Гак подвесить к тросу.
Осторожно я ходил,
Чтобы этот крокодил,
Посудите сами,
Не схватил зубами.
Кто-то в радио покашлял,
А потом решил сказать:
- Позадрайте все барашки,
Будут палубу смывать.
Осмотрелся я кругом –
Все забегали бегом.
Что они затеяли?
Овцы-то не блеяли?
Вдруг кричат мне:

- Мальчик, кинь
 Подлиннее в шлюпку линь.
 Намотай его на утку,
 Мы пристанем на минутку.
 Как мне тут не разозлиться?
 Нет ни рыбы и ни птицы.
 - Утя-утя, кря-кря-кря, -
 Звал я утку, только зря.
 Слышен звонкий-звонкий стук,
 Раскрутился бурундук,
 Закрутите его, братцы,
 Кранец может оборваться.
 Вот ещё один вопрос:
 - Кто сюда его принёс?
 Где себе найдёт он сук,
 Этот самый бурундук?
 Рассуждал стармех: - Так-так,
 Проржавел совсем гусак,
 До отхода, так и быть,
 Надобно другой сварить.
 Да, загадка нелегка:
 Я не вижу гусака.
 Из-под палубы одна
 Ржавая труба видна.
 Затянули вентиль слишком,
 Открутить не хватит сил.
 Моторист принёс маргышку,
 Быстро вентиль открутил.
 Знал я: любят обезьяны
 Ананасы и бананы,
 Но не знал я, что на флоте
 Помогают на работе.
 Палуба – как тёмный лес,
 Можно заблудиться:
 Шаг шагнёшь – наперерез
 Звери, рыбы, птицы!..

РОВЕСНИКУ

Нам нелёгкая в жизни работа досталась,
 Та, которая в детстве ещё примечталась,
 Не беда, если валит порой с ног усталость,
 Лишь бы сердце по-прежнему в плаванье рвалось.
 Мы с тобой штормовые суровые мили,

Сигареты в бессонные ночи делили,
 Ну и что ж, что Америки мы не открыли,
 Что о нас не писали и не говорили.
 Для того нам дана беспокойная юность,
 Чтоб пройти сквозь циклоны и злые тайфуны,
 Чтобы песней гитарные звонкие струны
 Огласили солёное царство Нептуна.
 Нас в разлуках печалась, ждать устали невесты,
 Вместо них нас ласкали шальные норд-весты,
 И сказать мне сегодня приятно и лестно,
 Что на море всегда есть романтике место.
 Потому не закончился начатый поиск,
 Ни к чему нам спокойный умеренный пояс,
 Пусть на палубу волны ложатся горою –
 Мы с тобой никогда не сдадимся без боя.

+ + +

Море зовёт молодых,
 Ищущих, рвущихся, смелых,
 Чтоб капитанов седых
 Было продолжено дело.
 Помни: совсем не легка
 Истина флотской науки,
 Вечны в судьбе моряка
 Горечь ветров и разлуки.
 Море зовёт молодых:
 Сильных, отважных, горячих;
 Добрых, где надо, и злых,
 Верных вперёдсмотрящих.
 Будь ты сажени в груди,
 С хваткой воздушного аса
 Школу морскую пройди
 С самого младшего класса.
 Море зовёт молодых,
 Курсом рисковым идущих,
 В длительных качках лихих
 Гаваней тихих не ждущих.
 Тех, кто в штормах роковых
 Могут с ним драться и спорить.
 Море зовёт молодых,
 Преданно любящих море.

Раздел: МОРЕ ПО КОЛЕНУ

Стихотворения разных лет

ТЕХОСМОТР

Вой клаксонов. Рёв моторов,
Безопасности ремни.
Техосмотр. И очень скоро
Для водителей-шофёров
Столь пугающие дни.
Шум и ругань, все на взводе:
Кто последний? Крайний кто?
Тут какой-то дед Мефодий
Клячу старую приводит
Прямиком на ПТО.
Зря смеётесь, транспорт тоже,
Гужевой. Убавьте спесь,
Есть потёртости на коже,
Но упитан и ухожен,
Кличка Опель тоже есть.
Между «Крузером» и ЗИЛом
Конь стоит, и рядом – дед.
А мента вдруг осенило
С лошадиной срезать силы
Пару сотен на обед.
В ход пошли придирки, маты:
Прочему короткий хвост?
Грива рыжая помята
Да подковы лысоваты,
Налицо - нарушен ГОСТ.
Замечанья слушал мерин
Кроток и примерно тих.
Тут контроль, прошу поверить,
Под хвостом решил измерить
Плотность газов выхлопных.
Брык! Гаишный лоб копытом
(Кто об этом не мечтал)
Откровенно и сердито,
Круче, чем бейсбольной битой,
Конь торжественно достал.
Опель ржёт. Народ - как дети,
Смех и свист со всех сторон.
Жаль, дедку теперь не светит
За конячьи шутки эти
Вожденный техталон.

КРИЗИС

Накатили мы с соседом по стопарику
 Под огурчики солёные до дна.
 Глядь – шагает по земному шару
 Страшный, злой, коварный кризис – вот те на!

Олигархи заскулили и заохали,
 Рынки дико лихорадит и трясёт.
 Наградил господь такую вот эпохою:
 Катаклизмы и напасти что ни год.

Дрожь в руках, на лбах холодная испарина,
 Из киоска продавец всерьёз грозит:
 Мол, досрочно погашайте отоваренный
 Долгосрочный винно-водочный кредит.

Катастрофа! Беспредел и провокация!
 Кореш злился, матерился и страдал,
 Утверждая, будто алчная инфляция
 Съест к утру наш опохмельный капитал.

Двери настежь – люди, этот миг запомните,
 На пороге, без сомненья, точно ОН.
 Хищным взглядом не спеша пошарил в комнате,
 Постно сморщился на скудный закусок.

Гад заморский, видно, просто с жиру бесится,
 Хотя с виду, вроде, парень ничего.
 Взял стакан, хлебнул... И – с воплем вниз по лестнице!
 Так, что только мы и видели его.

Страх прошёл. Нет более неясности.
 Жизнь под водочку журчит и бьёт ключом.
 Да с такой большой подушкой безопасности
 Нам в России – конец света нипочём!..

ЖЕРТВА РЕКЛАМЫ

Говорили нам вожди,
 Вдалбливали заповедь:
 Мол, хорошего не жди
 От гнилого Запада.
 Пожинаем вот плоды
 Гнусной провокации,

Бьёт зараза зло под дых
 По здоровью нации.
 Лишаи, прыщи, угри
 Лечишь – лезут заново.
 Сняли, что ни говори,
 Зря «железный занавес».
 Запах, вонь, сплошной кошмар –
 Диверсия воочию.
 Раньше – только перегар
 По утрам устойчивый.
 Перхоть слоём на плечах,
 Зуд кругом и жжение.
 Видно, дело наше швах –
 Признак заражения.
 Ешь не ешь и мажь не мажь,
 Впрок нейдут снадобия.
 В горле ком, в руках мандраж –
 Загниваньёфобия.
 Всё – труба, каюк, кранты,
 Сплошь напасти множатся.
 Он, она, и я, и ты
 Заживо разложимся.
 Импотенция грозит,
 Кариес старается:
 Что ни день, то паразит
 Новый появляется.
 Давит кашель, пот рекой,
 Судорги да колики.
 Говорится, а на кой
 Смотрел я телеролики?
 Что же делать, как же быть?
 Плакаться да сетовать?
 Остаётся только пить,
 Чтоб не видеть этого.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Выдали согласно МРОТ
 Нам зарплату куцую.
 Не иначе идиот
 Записал такое вот
 В нашу конституцию.
 Веселись, гуляй народ!
 Нам недолго мучиться.
 Хвост откинёт даже кот,

Если будет жить на МРОТ,
Быстро отмячится...

СТРАДАНИЕ

У меня милёнка нет:
Сгинул подлый в Интернет,
Завлекли нахальные
Девки виртуальные.

+++++++

Наступает Год Свиньи,
Мы его аукаем.
Приходите, девки, в баню –
Повизжим, похрюкаем.

+++++++

Ни Джека Лондона, ни Грина
Не даст потомкам новый век –
Одна сплошная «паутина»
Да мегабайты дискотек.

+++++++++

Запад гнать волну и пену
Зря на нас старается:
Русским море по колено,
Океан... (как нравится).

+++++++++

У одних с охраной виллы,
У других – топор и вилы.
Между ними давний спор,
Кто в России главный вор!

ВЛАДИВОСТОКЦАМ

Голосуйте за «медведей» -
К вам опять ОМОН приедет.
Есть неписанный закон:
Где «медведи» - там ОМОН.

+++++++++

Если кто «единоросс»,
Значит – жулик или босс.

Для страны «единороссы» -
Нефтегазокровососы.

ЛЕВЫЙ РУЛЬ

Власти хуже вражьих пуль
Не даёт покоя руль.
Статус-кво баранки правой
Властью признан вдруг неправым.
Не унять державной спеси.
Левый руль же в «Мерседесе»,
Чин в авто садится справа,
А другие – не по праву.
Правый руль стране не нужен,
Нет его вредней и хуже
Нам грозят найти управу
Навсегда на руль неправый.
Власть – на то она и власть,
Чтоб изъять, отнять, украсть –
То ли лошадь и корову,
То ли старую «Короллу».
Уже зреют в Думе строки
Левых актов однобоких:
От Камчатки до Сибири
Запретить автомобили.
Что же будет с нами, братцы?
Как же нам передвигаться?
Как свои мешки и крынки
Отвезти теперь на рынки?
Всем удавка и петля
Нам без правого руля.
Мужики, один есть выход
Прекратить неразбериху:
С маху взять – порядка для
Власть отставить от руля.
Дать под жирный зад коленом,
Поумнеет власть мгновенно,
Ведь без нашего руля
Власть – не более нуля.

ВЫБОРЫ МЭРА

Что торговлю быстро движет?
Знаю я и знаешь ты.
И в Находке, как в Париже,

Сплошь рекламные щиты.
 Предложения злобно рвутся
 В кошельки и на счета.
 Не успеешь оглянуться,
 Как купил в мешке kota.
 Агрессивная реклама
 По мозгам настырно бьёт.
 Хотя в рот не брал ни грамма,
 Всё качается, плывёт.
 Красочно на фоне сером
 Мельтешит и там и сям
 Даже кандидат на мэра –
 Целиком и по частям.
 Горожан зовут не мешкать,
 Наставляют исподволь.
 - Мол, орёл главнее решки,
 В этом суть и в этом соль.
 Заживёте славно скоро,
 Быт не будет скуд и сер –
 Нам гласит со всех заборов
 Будущий спаситель-мэр.
 Новый городской начальник
 Даст всего и задарма.
 ...Эх, вы, люди, находчане,
 Дал бы кто чуть-чуть ума.

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТУ

Древний урка истину изрёк:
 «От тюрьмы и от сумы не зарекайся».
 Я мотаю свой последний срок
 С участью затравленного зайца.
 Не мечтал, не думал, не хотел,
 Видно, так распорядились свыше,
 Чтоб в затылок мне смотрел прицел
 Неусыпно с караульных вышек.
 Прост и ясен лагерный расклад
 Так же, как и кодекс уголовный:
 Хапнул мало – значит, виноват,
 Много – срок тогда дадут условный.
 Суд всегда безжалостен и строг,
 Молча я плачу свободе ренту, -
 А вчера всю ночь заснуть не мог,
 Всё переживал за президента...
 Или у меня в мозгах заскок,

Или Ваша прохудилась крыша?
 Говорят, хотите новый срок
 Добровольно... Я такое слышал.
 На верхушке власти, там не мёд,
 Хуже, чем у нас в холодном БУРе.
 Не поможет горнолыжный спорт,
 Чтоб слинять при случае, в натуре.
 Нам бы побазарить тет-а-тет, -
 Оба под охраной, ёжась, ходим:
 Рейтинг Ваш и мой авторитет
 Высоки пока ещё в народе.
 Нам бы лишь один вопрос решить,
 Он навяз в зубах до острой боли:
 Как бы так слегка попотрошить
 Олигархов, не лишаясь воли?
 Ваши мне понятия близки:
 Жить по-волчьи надо в этом мире.
 С Вашей лёгкой я готов руки
 Замочить кое-кого в сортире.
 Следует извлечь один урок –
 Наша жизнь одной верёвкой вьётся.
 Ведь когда-то кончится мой срок,
 Ваш когда-то тоже оборвётся.
 Заключение не пошло мне впрок,
 Вашим же амбициям в угоду,
 Я отдам свой неотбытый срок –
 Даже больше, чем четыре года.
 1999 год.

СКАЗКА-БЫЛЬ

Ехал как-то через лес
 Со своей оравой
 Главный холдинга ЕЭС
 Выключатель РАО.
 Как павлин, собою горд
 За свою особенность
 Громыхал его эскорт
 Важно на колдобинах.
 Весь умаялся, устал,
 Суета замучила:
 Сам тарифы поднимал,
 Штепсели выкручивал.
 Вдруг как жахнет!
 - Боже свят! –

Голосят охранники.
Обмочили, говорят,
Все подряд подштанники.
- Караул! – кричат. - Беда!
Ни за что обидели.
Разбежались кто куда –
Только их и видели.
Улеглись гарь и дым –
Вот она, милиция:
Жадно нюхают следы
С растерянными лицами.
Милицейский генерал
Матерился и орал:
Лес вверх дном перевернуть,
Но поймать кого-нибудь!
Прочесали бурелом:
Никого – сплошной облом.
Дали вновь по чаще кросс –
Деда ташат на допрос.
«Доложи-ка, старина,
Возле шлялся на хрена?
Не иначе ты тот тать,
Кого надобно поймать?
За награду (вот те крест!)
Расскажи-ка, милый,
Не гулял ли кто окрест
С бомбой из тротила.
Кто на дело свет прольёт,
Тому в банке будет счёт.
Нет – тогда и задарма
Будут нары и тюрьма».
Оказался тёртым дед –
Генералу дал ответ:
«Ты мне дело зря не шей,
Так оно негоже,
Я кормил окопных вшей
И колымских тоже.
Глотку рвать не надо зря,
Успокойся, лапочка:
Мне твой босс до фонаря,
Да и ты до лампочки.
Напряги свои мозги,
Рассуди по-трезвому:
Что я видел? Да ни зги:
Провода обрезаны.
Это, знамо, новичка

Дело – подурачиться.
 Если б я – наверняка
 И со знаком качества.
 Ржавый цоколь, сатана,
 Встречи ждал с оркестром?..
 Не забыла, чай, страна
 Ваучер с секвестром!..»

Генерал донёс Кремлю:
 - От благодарной нации
 Не теракт был, а салют
 В честь приватизации.

ЭКСТРАСЕНСЫ

Пусть кто-то бредит фресками Флоренции,
 Пусть кто-то лезет к полюсу по льду.
 А я заветного сеанса экстрасенса,
 Лоб замотав прохладным полотенцем,
 Часы сверяя, с вождельнем жду.
 Вот истинное достижение века –
 Воочию: сплошные чудеса!
 Не нужно больше шляться по аптекам
 Российскому простому человеку:
 Сам захворал – и вылечился сам.
 Долой по поликлиникам мытарства,
 К чертям покой обшарпанных больниц
 И медстраховку, что вручило государство,
 К тому же без бесплатного лекарства,
 Как одноразовый использованный шприц.
 От страха кровь становится и стынет,
 На волоске маячит наша жизнь.
 Медикаменты называют по-латыни,
 Что от чего, не знают и поныне.
 Попробуй-ка с эффектом полечись.
 Минздрав купил в Америке иголки,
 Но на спасенье никаких надежд.
 Не будет от инъекций вовсе толку,
 Когда положим зубы все на полку,
 И так в бюджете – вон какая брешь.
 Ведут без отдыха учёные дебаты,
 Здоровью что особенно вредит,
 Нашли в продуктах гольные нитраты,
 А это всё проделки бюрократов
 И саботаж. Тут к бабке не ходи.

Парапсихологи, гипнотизёры, маги,
Гадатели, провидцы, колдуны.
У них гражданской через край отваги,
План профилактики совсем не на бумаге.
Вот кто, как воздух, нам сейчас нужны.
В их головах, поверьте, не опилки.
Они умеют (перечень не весь)
Гнуть без натуги взглядом ложки-вилки,
Без мыла влазить в горлышко бутылки
И в депутаты запросто пролезть.
Несложно вникнуть в тайны организма.
Направь в себя свой потускневший взгляд,
Забудь про порошки, примочки, клизмы.
Поверь, как верил в призрак коммунизма,
Что от лопаты руки не болят.
С работы волочишь устало ноги,
Лишь дверь открыл, а тут – по грыжам спец
Без записи, без блата, без мороки
Врубил на всю катушку биотоки –
Досадно, что пришёл я под конец.
Мне не страшны ни язвы, ни гангрены,
Я даже излечу радикулит,
Ведь утверждают: экстрасенса сцены
Всем помогают напрочь и мгновенно,
Даже тому, у кого вовсе не болит.
Просила тёща вызвать неотложку,
А я ей чудо-знахаря привёз.
Она ещё поахала немножко
И отошла. Ну, скатертью дорожка:
Видать, в успех не верила всерьёз.
Оракул для всего честного люда
Предписывал (не стоит возражать)
Настой мочи бухарского верблюда,
Сушёный глаз от дохлой барракуды
И кое-что из органов моржа.
Не шарлатан какой-нибудь отпетый –
Солидный, представительный такой,
Он говорил с потусторонним светом
(И облегченье гарантировал при этом),
Как с билетёршей в бане городской.
Позеленев, нацелил в небо палец,
Шептал заклятья непонятных слов
И на виду у зрителей анализ,
Что у врачей вы столько добивались,
Был без рентгена запросто готов.
Конечно, медицина виновата,

Что столько их держали взаперти.
 Сейчас они со мной запанибрата
 Ведут беседы, эти телепаты.
 Всё без обмана, только денежки плати.

КОНКУРС КРАСОТЫ

Наш экипаж вошёл сегодня в раж,
 Шумит с утра над сообщением в прессе.
 Из-за чего нашла такая блажь:
 Опять какой космический мираж
 Иль поймано чудовище в Лох-Нессе?
 Скудны мои сомненья и пусты.
 В подборках нету для сенсаций места.
 У нас в стране на конкурс красоты
 Из Питера, Тамбова и Читы
 Красавиц выбирают повсеместно.
 Своей страны я тоже патриот,
 Всегда готов поднять культуру нашу:
 Хотя своих забот невпроворот,
 Кандидатуру предложил на конкурс тот –
 Обходчицу с вокзала, тётю Пашу.
 Она ударник всех рабочих норм,
 Костыль сплеча вбивает в шпалу махом.
 И в свете эстетических реформ,
 Увидев красоту могучих форм,
 Рембрандт и Рубенс умерли б от страха.
 Но мне сказали в конкурсном жюри,
 Детали экстерьера подытожив:
 «Мы в этом деле просто дикари,
 Красивых женщин, что ни говори,
 Пока что сами выбирать не можем.
 На титул этих самых королев
 Нет в претендентках вовсе недостатка».
 Их наготу какой-то светский лев,
 Со знанием дела строго осмотрев,
 Под номерами всех занёс в тетрадку.
 Заветная корона из фольги,
 Тебя не получить без слёз и риска.
 Объём груди, бедра, длину ноги –
 Всё выставят, и думать не моги
 О скромности, чтобы остаться в списках.
 Чья слава всходит радужно в зенит?
 Об этом говорить пока что рано.
 Уж ты, учёный дядя, извини,

Но вот мою невесту в бикини'
 Не надо представлять с телеэкрана.
 На небосклоне зрелищ нашем тускло,
 Догнать нам Запад в этом нелегко.
 Направим всё теперь в иное русло,
 Мне только кажется, что всё же не по-русски
 Перед народом бегать голиком.
 Сейчас во всём царит неразбериха,
 Оценки ценностей запутались, сплелись.
 У нас на камбузе такая повариха!
 Как манекенщица, компот разносит лихо!
 Куда до ней всем «миссисам» и «мисс»!

ТАМОЖНЯ

Океанский гордый лайнер
 В рейс собрался утром ранним;
 Провожающим покинуть
 Приказали срочно борт.
 Обречён уже заранее,
 Как ягнёнок на закланье,
 Я сижу в своей каюте,
 Жду таможенный досмотр.
 Вот стучатся осторожно
 Представители таможни:
 «Предъявите ваши вещи!»
 Есть у них на то закон.
 Пробежал мороз по коже,
 Не виновен я, за что же
 Производят без причины
 У меня обычный шмон?
 Любознательная служба!
 Это им и то им нужно:
 Кто, зачем, чего и сколько
 Взял с собою за кордон...
 Мельком оглядят наружность
 И посадят мигом в лужу,
 Хоть ты чист, как ангел божий,
 Хоть в грязи со всех сторон.
 Чин какой-то, весь в нашивках,
 Обстучал кругом обшивку.
 Его действия при этом
 Были строги и точны.
 А другой «стреляет» косо,
 Задаёт врасплох вопросы:
 «Есть оружие, валюта

И предметы старины?»
Вот попал, как тать на плаху,
Пот прибил к спине рубаху.
С потрохами провалился...
Что теперь за это ждёт?
Покупал до перестройки
Я костюм отличной кройки,
А теперь, наверно, это
За реликвию сойдёт.
Тут какой-то ушлый парень
Что-то в рундуке нашарил.
Разложил умело шмотки,
Не лопух в делах таких.
Полизал носки, понюхал,
Приложил ботинок к уху,
Через зубы незаметно
Протянул мои шнурки:
«Не иначе как для сделки
Ты купил трусы в артелке?
Для таких у нас граница
Перекрыта на засов.
Вы кому-нибудь скажите,
Что простой советский житель
На законную зарплату
Носит по трое трусов!»
Самый рьяный, с сытой рожей,
На кондуктора похожий,
Обещал меня за что-то
Завернуть в бараний рог.
Долго лазал на карачках,
Вдруг нашёл мою заначку,
Я её «под этим делом»
Сам найти никак не мог.
Навалились, словно банда:
Подавай им контрабанду!
Всё в каюте вверх ногами,
И в душе наперекос.
Мои помыслы и гены
Просветили, как рентгеном,
И стою я перед ними
Весь наружу: гол и бос.
Ихний шеф, лилово-сизый,
Разыграл со мной репризу,
Не испачкав честь мундира,
Страж на то он есть и страж.
Пахнет плохо дело, вижу,

Ни за что прихлопнут визу.
 Эх, прощай, мой гордый лайнер,
 До свиданья, экипаж!
 Если снова за границу
 Выходить мне в рейс случится,
 Я в такой просак, конечно,
 Ни за что не попаду.
 Сдам в таможеню я для плана
 Гашиша с марихуаной
 И без всякой нервотрёпки
 От причала отойду.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Ковш испивши браги, как ведётся,
 Напослед молебен отстояв,
 Собирались в путь первопроходцы
 Для чего-то в дальние края.
 Звёзды путеводные сияли
 Им совсем не так, как нынче нам.
 Непоседы, предки, россияне!
 Что вам не сиделось по домам?
 И с ватагой, и поодиночке
 (Видно, был в скитаниях резон)
 Направляли боты, шлюпки, кочи
 За седой косматый горизонт.
 Коль взяло по службе отличиться,
 Выбирали дебри и моря –
 Приискать неведомой землицы
 Для нужды державы и царя.
 Кто попроще, лезли сквозь метели
 К Северу, а те, кто похитрей,
 Южные хватали параллели
 Лапами чугунных якорей.
 Ах, мечта! Ну что поделат с нею,
 Ведь она с рассудком не того...
 Даже до Аляски и Гвинеи
 Довела из наших кой-кого.
 Отмотав несчётно вёрст и сажен
 Потеряв годам и числам счёт,
 Созерцал заморские пейзажи
 Бородатый суетной народ.
 Хляби бороздили дни и ночи,
 Паруса трепали не за зря.
 Бог бродяжий тех людей охочих

За труды примерно одарял.
 Цепенели инородцев лица,
 У костра войдя в азарт и вкус,
 Не торгуясь, племенем молиться
 Все клялись за нитку русских бус.
 Расставаясь с голыми друзьями,
 Загрузив сандалами трюма,
 Возвращались гордо россияне
 По своим хоромам и домам.
 Нет на карте больше белых пятен:
 Мир исхожен вдоль и поперёк,
 Задарма с какой бы это стати
 Кто-то соль глотал морских дорог!
 Нет ошеломляющих и громких
 Славных экспедиций россиян,
 Иногда пытаются потомки
 Тихо прошмыгнуть за океан.
 Пофартит из нас кому-то с визой
 Дали посетить заморских стран,
 Важно возвращаясь из круиза,
 Задирает нос негоциант.
 И с восторгом пьяного зулуса
 Звонкие, как вызревший кокос,
 Он везёт назад в Россию бусы –
 Там на них большой сегодня спрос.

ЧАСТУШКИ

Бражки выпили по кружке
 (Кружка малой не была),
 Пропоём мы вам частушки
 Про рыбацкие дела.

Если очень кто захочет
 Любоваться на' море,
 То не надо ехать в Сочи,
 «Отдыхайте» в БАМРе.

Из Тамбова прибыл Вова
 Заработать на корову,
 Он рыбачил много лет –
 Денег не было и нет.

А ты, друг, не унывай,
 Не надо брови хмурить,

Лови на Севере минтай –
Мечтай о Сингапуре.

Рыбы нету, нету плана,
День прихода недалёк.
Надо б плавать в океане
Не повдоль, а поперёк.

Нас без женщин наизнанку
Выворачивает аж:
Смотрим на официантку
Как на целый Эрмитаж.

Раз спросил минтай минтая:
- Где косяк мой, ты не знаешь?
Тот сказал в ответ: - Не знаю,
Видел траулеров стаю.

Чудный муж достался Мане:
Он не курит и не пьёт,
Он рыбачит в океане –
В ресторане Маня ждёт.

Пиво, брага,
Сайра и навага.
Волна в корму свирепо бьёт,
А нас в порту никто не ждёт.

СТАРАЯ БАСНЯ

Волк серый в жаркий день однажды,
Устав напрасно шерсть пылить,
Решил в ручье ближайшем жажду
По-волчьи жадно утолить.
Лишь только мордой ткнулся в воду
Отар пасущихся тиран,
Над ним торжественно и гордо
Вдруг встал на берегу баран.
«Как смеешь ты, разбойник серый,
Мутить общественный ручей?
Уж мы теперь-то примем меры
В свете решений и речей».
Баран в ораторском экстазе
На критику и гласность жмет:
«Ты что, уже не помнишь разве,

Как истязал овечий род?
 От всех твоих былых репрессий
 Дух беззакония разит.
 Кто создал нам в окрестных весях
 Лугов и пастбищ дефицит?
 Все звери нынче будут братья,
 Не утрашит нас волчий вой!
 Даешь немедля демократию!
 Застой, коррупцию долой!
 Мы наше общество излечим,
 И тонкорунный животком
 Избрал на пленуме овечьем
 Меня, барана, вожаком.
 Мы серых хищников в природе
 Существованье запретим,
 Отныне все твои угоды
 Передаем в кооператив.
 Будь трижды ты в овечьей шкуре.
 Тебя мы выведем на свет.
 Уже лежит в прокуратуре
 Неблаговидное досье».

Сначала волк развесил уши,
 Потом же прорычал в оскал:
 «Ты говорил, теперь послушай.
 Я свое слово не сказал.
 В природе вроде не в новинку
 Закон звериный старый наш:
 Кому — баранию грудинку.
 Кому — солому и фураж.
 Ты раньше был неговорливым,
 Но в сани не свои полез».

Сказал — барана за загривок
 И быстро скрылся в темный лес.
 Мораль у басни такова:
 Не нужно тратить зря слова —
 Чтоб сладить с волчьим аппетитом
 И кровожадностью врага,
 Нужны кремневые копыта
 И очень острые рога.

НЕ СВОЕ ДЕЛО

Взял на откорм сосед барана,
 Вставал утрами рано-рано,
 Как над родным, над ним радел,

Познал косу, освоил вилы.
 Баран прибавил на полкило,
 На пять хозяин похудел.
 Теперь в деревне говорят,
 Есть у соседа перспектива —
 Открытие кооператива
 С названием “Лечащий подряд
 Для тех, кто похудеть хотят”.

ПРИСПОСОБЛЕНЕЦ

Заяц был матерый волк.
 Прикинулся овечкой,
 На Крайнем Севере нашел
 Теплое местечко.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЮБОВЬ

В моей душе жужжали рифмы роем,
 Спать не давали книжные герои,
 Ворвалось в сердце вихрем вдохновенье,
 И взялся я писать стихотворение.
 Задумал на изысканную тему
 Раскрыть по-настоящему проблему.
 Размером строк, набором слов запасся,
 Залез в седло игривого Пегаса.
 Скакал навстречу я метаморфозам,
 Готов встречать был поклоненье, розы.
 Своим огромным творческим размахом
 Я заставлял всех охать или ахать.
 Открылись мне и ямбы и октавы,
 Совсем блуждала рядом где-то слава.
 Но стала женщина одна всему помехой,
 Закрыла путь к признанию и успеху.
 Она твердила: «Ну-ка поскорее
 Забудь про все дурацкие хорей,
 Сними с себя ненужную обузу,
 А я поговорю с твоею Музой».
 Порастоптав изысканные строфы,
 Из родника поэзии она сварила кофе
 И, вопреки протестам всем поэта,
 Зарезала Пегаса на котлеты.
 Так дело двигалось к печальному роману.
 Но я однажды как-то, злой и пьяный,
 Взял вместе с женщиной сюжет литературный

И выставил за дверь вполне культурно.

«ИЗМЫ»

Злая карма, рок, харизма...
 Как вселенский вредный хлам,
 Над моей висят отчизной,
 Без разбора злые «измы»
 Сыплют на' головы нам.
 Европейцам капризным
 И поныне невдомек:
 Ихний призрак коммунизма
 С недоношенным марксизмом
 К нам забрел на огонек.
 Натворил злодей немало:
 Стали все кругом враги.
 Русь сермяжная дремала —
 Разбудил. Она и встала —
 Видимо, не с той ноги.
 Только-только расхлебали
 Миром всем социализм,
 На российские на дали,
 Словно здесь его мы ждали,
 Налетел капитализм.
 Политическая призма
 К нам всегда не тем концом.
 Вдруг акул капитализма
 Развели по нашим избам
 С человеческим лицом.
 Малость вышла передышка —
 Натя, новый катаклизм:
 Озираясь, как воришка,
 Ладит темные делишки
 Бородатый терроризм.
 Давит хуже ревматизма
 На страну проклятый «изм».
 Где найти такую клизму,
 Чтоб от всех очистить «измов»
 Наш российский организм?...

РУССКАЯ МОНИКА

На хвосте в село сорока
 Весть такую принесла:

Билла Клинтона жестоко
Убирают раньше срока
За амурные дела.
Он, наверно, вскрыет вены:
Выхода другого нет.
Все парламентские члены —
От Миссури и до Сены —
Загружают в Интернет.
Вот свобода — так свобода!..
В Штатах бабам можно жить.
А то тоже взяли моду
За дела такого рода
Одних баб во всем винить.
Я решила: будь что будет,
Скину сельского главу.
Он погряз в разврате, блуде,
Скажут мне спасибо люди,
Разнесут кругом молву.
Я ему сострою глазки,
Закручу слегка роман,
А потом предам огласке,
С интригана сдерну маску —
И погибнет интриган.
Раз, намедни, ближе к ночи,
Угодил в силки нахал:
Налетел врасплох, как кочет,
Без согласия, между прочим,
Затащил на сеновал.
Вел злодей себя по-свински;
Я сгорала от стыда:
Этой Монике Левински
Даже доли, половинки
Не приснится никогда.
Заявляю в исполкоме —
Это тутошний конгресс:
— Ваш глава откинул номер
На общественной соломе —
Проявите интерес.
Вот улики и вещдоки:
Весь взъерошен сеновал,
Платье с вырезом глубоким
Все в негодности до срока —
Все излапал, все измял.
Кобелю грозит импичмент
И отлучка от руля.
Мне ж давайте в прессе лично —

Не районной, а столичной —
 Интервью про кобеля.
 Отвечают мне с укором,
 Вспомнив бабушку и мать:
 — Так без власти будем скоро,
 Коль из хаты кучи сора
 Из-за юбки выметать.
 А закон молчит и дремлет —
 Не сбылась моя мечта.
 Видно, бабы, на деревне
 Демократия не та...

НОВЫЙ ГОД ПО ВОСТОЧНОМУ КАЛЕНДАРЮ

В проем окна глядит ночная хмарь,
 Полночный мир снежком скрипит устало.
 Вдруг зарычал настенный календарь
 Свирепостью тигриного оскала.
 Не мистика! Забытый древний культ:
 Практически над каждым человеком
 Животные таинственно берут
 Негласную заботу и опеку.
 Тайком велись с Востоком шуры-муры,
 Но без голосования, как встарь.
 Небось, валютой содрано три шкуры
 За этот (наш по сути) календарь.
 У нас в судьбе достаточно иронии.
 А если дело выставить на суд?
 Ну почему в какой-то там Японии
 Японцы припеваючи живут?..
 Они всегда новинок были воры:
 Пласты истории чуть приоткрой —
 У наших предков фауна и флора
 Играли исключительную роль.
 Известно - отрицать никто не станет,
 И мы должны гордиться очень тем -
 Сперва не азиаты, а славяне
 Придумали спасительный тотем.
 Вы вдумайтесь в названия фамилий:
 Там просто косяки и табуны
 Парнокопытных, хордовых, рептилий...
 Они же не свалились к нам с луны?
 Я предлагаю поздно или рано
 За плагиат взыскать без лишних слов.
 Улики где? Да у нас мэр Баранов,

А замы — то Лисицын, то Козлов.
Подсунули кота в мешке грегорианцы
Своим названьем месяцев и дат.
Три сотни лет живем, как оборванцы.
Такому положению кто ж рад?
Найти нетрудно, если постараться,
С животными связующую нить:
Ну, у кого мы научились пресмыкаться
И бессловесными довольно долго быть?..
Событий и явлений очень метко
Надежной цепью обозначен круг:
Умеешь петь — посадят мигом в клетку,
Кусаешься — загонят в конуру.
Друг другу мы обгладываем кости
(кого в каннибализме обвинить?).
И где набрались дикости и злости:
Мы у зверей - или у нас они?
Да далеко ходить совсем не надо.
Змеиный год возьмите, например:
Поразвелись вокруг сплошные гады,
К ним до сих пор не принимают мер.
В очередях, на митингах, в трамвае —
Да, собственно, почти везде подряд —
Законы джунглей, и тайги, и стаи
Над нами властвуют, господствуют, царят.
Такой в природе невеселый принцип —
Календари восточные не врут:
Всю жизнь живешь, как будто бы в зверинце,
Того гляди растопчут и сожрут.
Прошу проблему изучить серьезно -
В ней ФээСБэ пока ни бе ни ме:
Зачем посвили логова и гнезда
Кое-какие граждане себе?
К открытию тропа всегда терниста.
Но буду благодарен я судьбе
За то, что первым из анималистов
Тотема власть изведаль на себе.
Восторженно, со щедростью монаршей.
Усы топорща, словно в марте кот,
Леща подкинул нашей секретарше —
Не клюнула: не рыбный выпал год.
Был, помню, год какой-то обезьяны,
Нанес большой моральный мне урон:
Повылезли характера изьяны
Еще с доисторических времен.
Вглядитесь в лица близких и знакомых,

Физиономию обследуйте свою...
 Начальник мой родился в год дракона,
 Уверенно гарантию даю.
 Однажды наступило время мыши
 (По правде, я об этом и не знал) —
 Сидел себе бы этой твари тише,
 Но что-то на собрании сказал.
 Что началось... Рассказывать не буду —
 Достался дорого словесный этот блуд:
 Потом весь год горбатился верблюдом,
 Доказывал, что вовсе не верблюд.
 В год петуха рискнул расправить крылья,
 Да спутал даты, вот за то и влип:
 Такую яму под меня подрыли —
 Попал в нее, как будто кур в ошип.
 К одной проникся трепетным желаньем,
 Ждал, как олень, сезона брачных игр.
 На вид она была невинней лани,
 А оказалось — настоящий тигр.
 В степях, пампасах, прериях, саваннах
 Под сенью ночи и средь бела дня
 Ползет, летит и скачет постоянно
 Почти что наша дальняя родня.
 Календаря загадки, феномены
 Отгадывай, как каверзный кроссворд.
 Из кожи лезу: где же перемены?
 Какая тварь удачу принесет?
 Устал я гавкать, блеять, кукарекать.
 Неужто мне до гробовой доски
 Не выпадет хоть годик Человека,
 Чтобы пожить маленько по-людски?
 ...А, может, календарные вопросы
 Мы подняли не вовремя и зря?
 Живут же вон на льдинах эскимосы
 Без всякого вообще календаря!

МОЖЕТ БЫТЬ, ОПЯТЬ ЗА ВИЛЫ?..

В невеселую минуту,
 Для России в горький час
 Расскажу я вам про смуту,
 Как однажды бес попутал
 Всех и каждого из нас.

Да, была у нас держава:

В страхе всё кругом дрожало,
 Никакие гады жало
 Нам не смели показать.
 Это многих и бесило.
 А кому по нраву сила?
 Сунься — враз начистят рыло,
 Без сомненья, как пить дать.

Ели сытно, пили вволю.
 Кое-кто работал в поле,
 Кое-кто спускался в штольню.
 Кое-кто скотину пас.
 Хоть и жили бестолково,
 Но запасу огневого
 Было всегда готово
 Аж с лихвою, про запас.

Выполняли план по валу,
 Правда, качество хромало,
 Но хватало хлеба-сала:
 Хочешь — ешь, а хошь — не ешь.
 А коварные соседи,
 Пресловутый зарубеж,
 День и ночь задумкой бредил,
 Как урвать обильной снеди,
 Как пробить в заплоте брешь.

Грудь на грудь идти нахрапом,
 Рассудили, — не с руки,
 Надо брать их тихой сапой,
 Ведь у них, у сиволапых,
 Вон какие кулаки!
 И подбросили злодеи
 Нам зловредные идеи,
 Что раздор и смуту сеют,
 Разлагают изнутри.
 Мы наживку проглотили
 (Видно, раньше мало били),
 Одним словом, простофили,
 Дурни, что ни говори.

Некто, планам злым послушный,
 Соглядатай и наушник,
 С ремеслом своим двурушным
 К нам явился втихаря.
 Стал шептать, что жить нам скучно,

Без свободы зело душно,
 Надо всем единомушно
 Выбрать нового царя.
 — Посмотрите, за забором
 Золотые стоят горы.
 Заживете так же скоро,
 Отворите малость дверь,
 Распустите ваши рати,
 Все кругом друзья и братья, —
 Врал, как опытная сватья.
 Где найти его теперь?

— Вам не видно из-за леса
 Современного прогресса.
 Политического веса
 Без прогресса не набрать.
 Ведь без рока и стриптиза
 Ваш культурный облик низок, —
 Расстилал цветистой ризой
 Перспективы подлый тать.

Почесал народ в затылке
 Да прильнул слегка к бутылке:
 Есть в народе нашем жилка —
 Жить взаимы умом чужим.
 Желваки напруг до боли.
 Захотелось срочно воли.
 И изрек народ: «Доколе
 Будет жать на нас режим?!»

— В топоры! — кричат. — Ребята!
 Надо выбрать демократа!
 И тогда у нас зарплата
 Будет в долларах, небось...
 Расшумелись, как вороны,
 Делят место возле трона.
 И давай стрелять патроны
 С перепугу вкривь и вкось.

А пока кипели страсти,
 Так, что дым стоял столбом,
 Глядь: стоят уже у власти
 Господа не нашей масти
 И с не нашим говорком.

— Как же так случилось, братцы?

Или это страшный сон?
 Пока нас травили драться,
 Потекли наши богатства
 Полным ходом за кордон.
 Не растет в полях пшеница,
 В море рыба не клюёт.
 От досады можно спиться!
 Ведь была в руках синица,
 Кто назад ее вернет?

Заварили круто кашу:
 До сих пор не прожужем.
 За державу горько нашу:
 Под чужую дудку пляшем,
 На чужой мотив поем.
 Говорят, не зная броду,
 В воду сунется не всяк.
 Что ж, народ, хлебай свободу
 Доброхотам всем в угоду
 Рваным лаптем натоцак.

Ой вы, граждане-миряне,
 Натворили что по пьяни! —
 Голь кругом, как после бани,
 Полюбуйтесь на стриптиз.
 Где ж бывшая наша сила?
 Может быть, опять за вилы?..
 Или падать дальше вниз?..

ПРО МЕДВЕДЯ (послевыборное)

Лес берёзками шумел,
 Ёлками кудрявел,
 Птичьим хором звонко пел
 Да калинами алел,
 Жил без всяких правил.
 Волк спросонья забежит,
 Распугает галок.
 Только зайцы да ежи
 Представляли в чаще жизнь
 Плотным ареалом.
 Кто с идеей глупой влез,
 Не припомнят звери:
 Без Медведя лес не лес

Вёрст на тысячу окрест –
Так, никчёмный скверик.
Чай, прокормим, не впервой,
Сколько всякой снеди!
Будет Мишка головой,
Мы – за каменной стеной,
С собственным Медведем.

...Зверь он так-то неплохой,
Когда спит в берлоге,
Но когда его покой
Кто нарушит, Боже мой!
Лучше делать ноги.
На рожон к нему не лезь:
Когти злы и зримы.
Налицо медвежья спесь
Да известная болезнь
Отравляют климат.
Ах, заступник, вот те на!
Стонут даже совы:
Превратился в шатуна.
Говорится, на хрена
Завели такого?
Вот проруха, вот напасть –
Хуже лютой пули.
Кто с медведями не в масть,
Тому нечего украсть
И покараулить.
Безнадёга и разор,
Нет страшнее тягот.
Начался по лесу мор:
Из грибов – лишь мухомор,
Белена – из ягод.
Не испробовать медку,
Не поесть малинки,
Глухари вон на току,
Да и белки на суку –
Словно на поминках.
Лес осинками дрожит,
Варварски прорежен.
Ну хоть кто-нибудь скажи:
Где с рогатиной мужик
За дохой медвежьей?..
2008 год

ПОД ГРАНЬ СТАКАНОВ

Как вопрос закрыли с Думой,
Малость страсти улеглись.
Наскребли с трудом мы сумму
На бутылку водки с кумом —
Побеседовать «за жизнь».
Только грань стаканов звонко
Благовестом разнеслась —
Вновь предвыборная гонка
(Как сидит она в печенках!)
По России началась.
Сам я ближе к демократам,
Кум — багровый, как кумач.
Мы в одном равны: зарплату
Для всего электората
Не дают давно, хоть плачь.
Но, чуть-чуть приняв на брата,
Оппонент вдруг в позу встал.
Знать, проснулся в нем оратор:
Напролом попер, как трактор.
Лучше бы он дальше спал.
— Разорвем, — кричит, — оковы!
Мы за совесть — не за страх!
Снова двинем к жизни новой!
(Если б не свобода слова,
Быть ему на Соловках!)
Президент ушел в отставку,
Вот в чем ужас и беда.
Наверху начнется давка,
И затянется удавка
Нам на шее как всегда.
Нужно в этом общем хоре
Не утратить голос свой.
Зри поглубже, в самый корень,
Как бы нам не хапнуть горя
С этим временным главой.
Я-то в этой говорильне
Понимаю кой-чего:
Положение стабильно,
В пропасть падаем не сильно,
Лишь благодаря и. о.
МВФ валютный пудинг
Вам покажет издаля —
И в Кремле не то что Путин, —
Черт с рогами даже будет
Во главе всего Кремля.

Посмотри: страна хиреет.
 Кто за это даст ответ?
 И, совсем уже зверея,
 Собирался бить евреев.
 Благо, их в деревне нет.
 Мой законченный политик
 Знает, почему лиха фунт:
 Этот наш стихийный митинг,
 В свете нынешних событий,
 Перевел в стихийный бунт.
 Разогреты важной ролью,
 В схватке праведной за власть,
 Перешли от слов к дреколю.
 Лучше б мне уйти в подполье,
 Знать бы раньше, где упасть...

Невеселые делишки:
 Стонет кум в своей избе,
 Я лежу, считаю шишки —
 Видно, мы простые фишки
 В политической борьбе.

ПОЛИТИКА

Сойду с ума наверно скоро, братцы, я,
 Лишился аппетита вот и сна,
 Со мной вошла в сплошную конфронтацию
 Моя пока законная жена.
 На почве политических раздоров
 В семье блуждают хаос и раскол.
 Я каждый день того и жду террора.
 Вот до чего дошел «прекрасный пол»!
 Хваленой демократии посева
 Заколосились буйственно и зло.
 Когда меня уже не тянет влево,
 Жену заметно к центру повело.
 Кричит на всю деревню: «Я за лидера! —
 И кто на это бабу натаскал? —
 Без референдума т-те патлы все повыдеру
 До волоска, несчастный радикал!»
 Морской накат упреков и стенаний,
 Она прибоем прямо на дыбы...
 Закрывать от бабы четырьмя стенами
 Арену политической борьбы!
 Ну нету с нею удержу и сладу.

Бессильны компромисс и диалог.
 Затеяла голодную блокаду —
 Припасы все закрыла на замок,
 На гласность объявила мораторий,
 Ей поперек и слова не скажи,
 Скотина эмигрирует с подворья,
 Командный на дому теперь режим.
 В интимной жизни — вовсе невезенье:
 Я только к ней, она в ответ: «Не лезь!»
 Грозится вызвать Комитет спасенья,
 Чтоб «защитить достоинство и честь».
 Как одолеть, как справиться с бедою,
 Где для дискуссий силы, время взять?
 У ней на ферме падают надои,
 Стоит моя непаханая зябь.
 Добром просил: «Не суйся сдуру, Маня,
 В политику, то сани не твои.
 Зачем оно тебе, голосованье
 По выборам главы нашей семьи?
 От митингов совсем уже охрипла,
 Гляди - зарос бурьяном огород.
 Последствие иракского конфликта
 Другим пусть спать ночами не дает!»
 Чтоб не дожить до суверенитета,
 Наладить быт, ввести дела в ажур,
 Разбил динамик, жгу тайком газеты,
 Сам в магазин и по' воду хожу.
 Когда ж утихнет эта катавасия?
 В какой опять Октябрь иль Апрель?
 Чтобы прийти к гражданскому согласию
 И лечь с женою в общую постель...

РЫНОК

Ох, грызет меня обида;
 Из себя я скоро выйду.
 Сколько лет грозили СПИДом,
 Полтергейстом, и опять
 Невеселые картины
 Впереди рисует рынок.
 Без штанов и без ботинок
 Как же мне его встречать?
 Всюду громко говорится:
 «Нам поможет заграница,
 Барыши от инвестиций

Гарантируют успех».
Мне ж совсем другое мнится —
Перекосит многим лица,
Коль придется попоститься
Дольше мучеников всех.
Этот страшный хищный рынок —
Вон какую пасть открыл он.
Кто чуть-чуть не вышел рылом —
Жди печального конца.
То-то будет не до шуток:
Чтоб купить харчей и шмуток,
Променяют на валюту
Мать родную и отца.
Для борьбы с волной инфляции
Есть у нас еще богатства,
Если очень постараться —
Выход есть из тупика.
Мы в Америке с Европой
Перейдем торговый опыт,
Спустим в розницу и оптом
Государство с молотка.
Зарубеж отвалит щедро
За леса, моря и недра.
Безболезненно, безбедно
Кризис мы переживем.
Понакупим технологий,
Если не протянем ноги,
По наезженной дороге
К изобилию придем.
На сей счет у президента
Есть такие аргументы:
Нужно доллары и центы
В экономику вливать.
Но на ферме и заводе
Ходит слух такой в народе:
Их давать не будут вроде.
Кто же будет покупать?
Из дворцов, для нас закрытых,
Диалог ведут открытый:
«Уничтожит дефициты
Рынок быстро до нуля».
Вот собака где зарыта!
У разбитого корыта
Не остаться б голым, битым
По указу из Кремля.
Прекращайте брань и ругань,

Затяните пояс туго.
 Рынок всех загонит в угол.
 Всем хлебать его до дна.
 Рынок встретят без испуга
 «Верные» народа слуги,
 Их супруги и подруги,
 Нам же всем придет хана.

ПО САЛТЫКОВУ-ЩЕДРИНУ

Как-то раз во время оно,
 При лампадах, при погонах,
 Мужика поймали сонным
 Генеральские чины.
 Так прижало — свет с овчину:
 — Накорми нас, мужичина,
 Умираем без причины,
 Погибаем без вины.

Покряхтел мужик с досады:
 Надо, стало быть, так надо —
 Не за лавры и награды
 Провианту раздобыл.
 То ли сердце сжала жалость,
 То ль струхнул с испугу малость,
 Но история осталась,
 Как себя сам погубил.

Генералы, отобедав,
 Повели политбеседу
 (Отродясь такого бреду
 Мир не ведал, сколько жил):
 Рассыпались мелким бесом,
 Вразумляли, что агрессор
 Из корыстных интересов
 Всю державу окружил.

— Ты разуй пошире бельма
 Да раскинь мозгами, шельма.
 Чай, мозги еще с похмелья
 Могут что-то соображать?
 Что с твоею будет хатой,
 Коль нагрянут супостаты?
 Вон хватай кайло с лопатой —
 Оборону поднимать!

Встань поутру завтра рано
 Да берись за дело рьяно:
 Накопай-ка нам урану —
 Мы им разом нос утрем,
 Этим извергам из НАТО,
 Ой, бока будут намяты!
 Ведь не зря же мы — солдаты,
 Пой: «И как один умрем...»

Прояви, злодей, сноровку,
 Смастери боеголовку,
 А не то — на стажировку,
 В тундру шишки собирать!
 Боевая кровь взыграла,
 Расходились генералы:
 Приказали всем орала
 На мечи перековать.

Сохнут доли, чахнут нивы,
 Огород зарос крапивой.
 Это, в общем-то, не диво,
 Если с гулькин нос ума.
 Сам худой, в одежде рваной,
 Заражен идеей бранной,
 Накопал мужик урана —
 Под завязку закрома.

Разрослись полки и роты,
 Населения оплоты —
 Не хватает позолоты
 На мундиры и сукна.
 Мощь родную умножая,
 Армию вооружая,
 Сорок лет без урожая
 Сам мужик, как вся страна.

Генеральские повадки
 Мужичонка без оглядки
 Исполнял, но вот стерлядки
 Вдруг не подал им к столу.
 Протрезвев от томной неги,
 Как набросятся стратеги:
 — Кто лишает привилегий?
 Кто возвел на нас хулу?

Караул! — кричат — Измена!
 Это что за перемена?
 Это самый откровенный
 Оголтелый саботаж!
 Ах, ты неуч, плут и темень!
 предавать в такое время,
 Когда враг кругом не дремлет?!
 Ты ответ за это дашь.

Тут мужик им — ультиматум,
 Выругавшись крепко матом:
 — Расщеплять не буду атом,
 Поищите дурака.
 Вроде бы не бил баклуши —
 Нет хозяйства, дом разрушен.
 Да и отдал Богу душу,
 Нет, не Богу — ВПКа.

Зарыдали генералы:
 Прожил, ох, мошенник, мало.
 Кто скует щиты-забрала?
 Кто накормит нашу рать?
 Люди добрые, спасите!
 Мужика нам воскресите!
 Воду в сите не носите —
 Марш приказ наш выполнять!

... ТОЛЬКО ДВЕРИ ОТОПРИТЕ!

В сапогах портянки преют,
 Ватник ни черта не греет,
 И конвой совсем звереет,
 Злой некормленный конвой.
 Вот родиться б мне евреем!
 Был бы рок ко мне добрее,
 Срок тянулся бы скорее,
 Этот срок последний мой.
 Мы судьбу не выбираем:
 Кто-то в центре, кто-то с краю,
 Кто подчас на самой грани,
 Угодил за самый край;
 А кому игра без правил,
 Тот втихушку «ксиву» справил
 И давно слинял в Израиль,
 В настоящий земной рай.

У меня все карты биты:
 Хитроумные семиты
 Завели такое сито:
 Не один в него попал.
 Им Мальдивы и Канары,
 Мне запретка, БУР и нары,
 И, как злая божья кара, —
 В Воркуте лесоповал!
 Третий срок как волк в загоне,
 Напоследок только понял,
 Осенило, как спросонья:
 Жил в лесу дремучим пнем.
 Посмотрите: в нашей зоне
 Даже чукча есть в законе,
 Но ни Изи и ни Мони
 Не отыщешь днем с огнем.
 Мне осталось ждать немного.
 Вот откинусь, слава богу -
 Не в кабак, а в синагогу
 Сразу брошусь со всех сил.
 Заявлю там на иврите:
 — Малость плоти оторвите,
 Только двери отоприте
 И пустите в Тель-Авив!

УВОЛЬНЕНИЕ В ЗАРУБЕЖНОМ ПОРТУ

На стареньком рыбацком теплоходе
 В канадский порт торжественно заходим,
 Горит залив неоновым дождём.
 Под русские крылатые цитаты
 Наброшены швартовые канаты.
 Глаз не смыкая, схода с трапа ждём.
 А утром, сразу перед увольнением,
 С пристрастием читают наставленья
 (Послушаешь – и дрожь нельзя унять),
 Что тут кругом живут одни шпионы
 И к пьяницам особые законы,
 Смотрите в оба, мать-вас-перемать.
 Чтоб как-нибудь совсем не потеряться,
 Остерегаться надо провокаций, -
 Внушает лектор, - Боже упаси
 Садиться в лимузины и такси.
 Он важно кое-что еще подметил:
 У них в свободном этом самом свете

Подкуплены полиция и суд,
 Чуть зазеваешь – сразу украдут.
 Не стоит также русскому Ивану
 Ходить по казино и ресторанам:
 На этот счёт валюты будет мало,
 А фильмы все у них про что попало.
 Закончил назидания оратор –
 В каюте вдруг защёлкал калькулятор:
 То мой сосед, мурлыча по-английски,
 Решил составить на покупки списки,
 Писал бедняга, карандаш зажав в руке,
 В двух экземплярах, как коммюнике,
 Потел. И на висках набухли вены.
 С азартом воротилы-бизнесмена
 Перечислял он доллары на боны,
 А тряпки на советские купоны...

Весенним тёплым солнышком согреты,
 Прилично выбриты и чисто приодеты,
 Припрятав иностранные «руббли»,
 Мы с ним на берег празднично сошли.
 Поражены внезапно были оба
 Шикарным видом дома-небоскрёба.
 Я думал: - Вот бы дом такой для сельсовета –
 Тогда бы всем пришлось по кабинету.
 Тут мой приятель, варежку разинув,
 Пустился вскачь вдоль стрит по магазинам.
 Бросался на витрины и прилавки,
 Скупал на вес штаны, очки, булавки,
 В отделе модном у одной персоны
 На прочность рвал зубами панталоны.
 Как вкопанный стоял перед паласом,
 На растворимость языком слюнявил краску,
 Как будто бы всю русскую Аляску
 В Америке по новой покупал,
 А продавец цены не уступал.
 Ему смотрели люди в спину хмуро,
 Наверно, даже думали тайком:
 В России нет совсем мануфактуры,
 Должно быть, все там ходят голяком.
 Пот градом у него с лица катился,
 А он опять на поиски пустился,
 За ним я еле-еле поспевал,
 Как ни старался, всё-таки отстал.
 Тут по-злодейски, на мою беду,
 Открыли бар на самом на виду.

Дай, думаю, передохнуть зайду.
Сказал бармену «хау ду ю ду».
«Их бин», «ай эм», ну, в общем, «рашн симэн».
Тащи вина, закуску, рыбу с пивом.
На это он ответил тихо: «Гуд».
Два типа вдруг за этот столик тоже
Подсели. Подозрительно похожи
На тех, что в фильмах ставит Голливуд.
Я думал: «Нет, меня так не возьмёшь,
Известна ваша гангстерская жилка».
Зажал в рукав на всякий случай вилку
И искоса поглядывал на нож.
Потом обои эти «супермены»
Зачем-то обратились вдруг к бармену,
Который был уже знаком со мной:
Что я, «того»? Или глухонемой?
Узнав о том, что я взаправду русский,
Заказывают сразу по две кружки,
Один меня измерил колким взглядом
И подаёт, я мигом понял: с ядом.
Но так как первым не намерен драться,
Пришлось до дна – ну, а куда деваться?
Занюхал, сморщился и даже удивился,
Что до сих пор еще не отравился.
Второй с улыбкой хитрой посмотрел
И говорит: «Френд, пьёшь ты вэри вэл».
Вопрос меня терзал: для маскировки, что ли
У них привычка на руках носить мозоли?
Сомнения мои они поняли
И по нерусски что-то объясняли,
Мол, очень даже уважают Рашу,
Что заварили здесь такую кашу:
Весь город третий день уже бастует,
Но и буржуи не сдаются ни в какую.
Тут я нашарил бережно в кармане
Заветные припрятанные мани,
Мы выпили по третьей и четвёртой –
Все наставленья позабылись к чёрту,
Я объяснялся с ними, как умел,
Я говорил им под фужеров звоны,
Что джин чуть-чуть похуже самогона,
И что махорка крепче, чем «Пэл-мэл».
От преимущества советского возвысясь,
С какой-то тощей белокурой миссис
Под рок-н-ролл «цыганочку» плясал -
В восторг пришёл от этого весь зал.

Ну, а когда совсем уже был весел,
 Приехал в порт на их же «Мерседесе».
 Глядь: по причалу друг походкой крабьей
 Причудливо тащился на корабль,
 Как йог, питался целый день одной резинкой,
 Зато наряженный, в авоськах и корзинках.
 Взяла его досада до печёнок,
 Когда узрел: в какой-то из лавчонок
 Купил ботинок полный чемодан,
 Точь-в-точь как наши «ширпотребсучан»,
 Не зря вещают вражьи голоса:
 Бывают за границей чудеса.
 Меня же по приходе очень скоро
 Для неприятного позвали разговора,
 А как прознали – сам не разберу.
 Наверно, донесли из ЦРУ.
 Наутро было горестно и тяжко
 Для старых брюк шикарные подтяжки
 Я то и дело снова примерял.
 А кореш цвёл улыбкой Моны Лизы:
 Ему, конечно, не закроют визу,
 Ведь он инструкцию по пунктам выполнял...
 Канада, г. Ванкувер, 1978 год.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА

Михаил Сергеевич Горбачёв,
 Встав к рулю, такой кошмар увидел:
 По стране вино рекой течёт
 И сказал на это он как лидер:
 «Алкоголь – источник всяких бед,
 Жизнь построим трезвую, иную,
 Пусть идёт в театр и на балет
 Отдыхать народ, а не в пивную.
 Прекращайте пьяные дела,
 Для хмельной борьбы сдавайте взносы!..»
 В это время тайно завела
 Баба Маня бражки к сенокосу.
 Посчитали в целом по стране
 Важные учёные светила
 В ЭВМ, на счётах и в уме,
 Вред какой огромный от этила.
 И главе настойчиво твердят:
 Магазины винные закрой-ка,
 Виноград пусти на лимонад –

Сразу двинет в гору перестройка.
Михаил Сергеич очень рад:
Поддержал его госаппарат.
...Баба Маня с риском, незаконно,
Аппарат купила самогонный.
Позакрылись лавки и ларьки
Росчерком высокого указа.
Только, видно, руки коротки
Вырвать с корнем пьяную заразу.
В трудный политический момент
На питьё взвинтили резко цену.
«Теневой подпольный кабинет»
Бабу Маню вывел на арену.
Этот непонятливый народ
В радости и скорби, без причины
Чай не хочет пить или компот
На поминки, свадьбы, именины.
Новоиспечённый президент
Почесал в задумчивости темя:
Да, такой солидный оппонент
Быстро может вырвать власти бремя.
Он понять не может до сих пор,
Почему машины, дрожки, сани
Едут не в колхоз на скотный двор,
А в сарайчик ветхий к бабе Мане.
Падает вождя авторитет –
Бабка не сдаётся в винном споре.
Лопнул государственный бюджет
Враз без алкогольного подспорья.
Наверху заслушали доклад:
Пьяная проблема не изжита.
Кончился в державе рафинад –
Варит бражку бабушка из жита.
Сколько сил в борьбе истратил вождь!
В пот не раз вогнал народный форум,
А в итоге всем признать пришлось,
Что дала старушка власти фору.
Зажила бабуля без забот,
Не боясь суда с прокуратурой:
Суд не только судит, но и пьёт,
А кто пьёт, для бабки – клиентура.
До Камчатки видно из Кремля:
Вышла с трезвостью заминка, пробуксовка.
Захирел без водки курс рубля –
Вот что значит «белая головка».
Для сраженья с пьяным миражом

Не хватило прыти и сноровки.
 Горбачёв тогда за рубежом
 Гнать затеял злую «горбачёвку».
 Раз у нас «нейдут» дела на лад –
 Йены, фунты, доллары и франки
 Пусть у них скрывает за подклад
 Иностраный муж от иностранки.
 Так с позиций классовых идей
 Давнему врагу, капитализму,
 СССР негаданно сумел
 Из сивухи лихо вставить клизму.
 Баба Маня власти не в укор –
 И откуда взялись только силы -
 Сгнивший перестроила забор,
 Баньку без проблемы перекрыла.
 Михаил Сергеич Горбачёв,
 Посмотри на дивную картину:
 Бабка перешла на хозрасчёт,
 Скоро с чёрного на внешний выйдет рынок.
 Трудится не покладая рук
 Бабушка в любое время суток,
 Нарасхват идёт её продукт,
 Как незаменимая валюта.
 Чтоб случайно не попасть впросак,
 До рубля от бизнеса излишки,
 Как другие, не кладёт никак
 Эта бизнесменка на сберкнижку.
 Президент открыл солидный счёт,
 Деньги держит в банке за границей.
 Баба Маня, как и Горбачёв,
 Деньги прячет в банке, за божницей.
 Баба Маня чай с вареньем пьёт,
 Над Москвой посмеиваясь мило.
 Граждане! А может быть, её
 Выдвинуть в политики, к кормилу?..
 1987 год.

ДОСКА ПОЧЁТА

Мы собрались в беседке на аллее,
 Дробя костяшками страстей своих накал.
 Нисколько слов отборных не жалея,
 Напарник знаком «рыбу» предлагал.
 Да мы бы их разделали в два счёта:
 Два дупля я тайком держал в руке,

Но кандидатов на Доску Почёта
 Позвали выбрать в Красном уголке.
 Товарищи, давайте предложенья,
 По времени регламент очень сжат.
 Теперь, согласно новому мышленью,
 И при начальстве можно всё сказать.
 Пробил в себе я робость как тараном,
 Хотя озноб пробрал до самых жил.
 Я встал и громко токаря Ивана
 Прибить на эту доску предложил.
 Парторг в ответ заверещал капризно:
 - Ты, видно, парень, не в своём уме,
 Хотя никто не против плюрализма,
 Зайди после собранья в кабинет.
 - Давайте вешать слесаря на Доску, -
 Упрямый голос сзади подсказал.
 Но вышла и со слесарем загвоздка,
 Не спас его ни стаж, ни план, ни вал.
 - Пойдите, не шумите, погодите!
 Вот дизелист – достойный кандидат,
 Передовик, новатор, победитель
 И даже, говорят, лауреат.
 Президиум свирепствует и злится:
 Нашли в анкете снизу две строки,
 Где про него такое говорится,
 Что тут уже совсем не до Доски.
 Полдня галдели для какого чёрта,
 Достойных выбирали так и сяк,
 А те, кто надо, на Доске Почёта,
 Смотрите, вон, не падают, висят.
 1989 год.

ИНТЕРПОРТ

Сегодня мы сбиваем дружно бороды
 И в интерпорт, лишь только рассветёт.
 По графикам и спискам в чудном городе
 Команда судна на' берег сойдёт.

Ах, интерпорт, ах, интерпорт, ах, интерпорт
 Неявностью пугает, манит, злит,
 Отвыкли мы за долгий переход
 От всех законов праведных земли.

Нам вдалбливают в головы, как заповедь,

Инструкции и правила страны:
 Как думать, как дышать на этом Западе,
 Что говорить, смотреть какие сны.

На Западе, на Западе, на Западе
 Везде царят коварство и обман,
 По глупости попасться можно запросто
 Во вражескую сеть или капкан.

Ах, зарубеж, ах, зарубеж, ах, зарубеж,
 Не зря нам здесь валюты не дают,
 А то бы мы по простоте невежд
 Попались все на удочку твою.

У нас морей жестокие отметины
 До срока на руках и на висках.
 Ну почему так смотрят неприветливо
 Прохожие на «рашн» моряка?

Ах, интерпорт, ах, заграница, зарубеж,
 Ты нам соблазны под ноги не сей.
 И стыдно нам, что мы повисли меж,
 Меж нищеты и дикости своей.

Новая Зеландия, Нельсон. 1990 год.

РУССКИЙ БИЗНЕС

В заграничном порту
 Я лелеял мечту
 Сделать маленький бизнес свой,
 А душа моряка
 Как волна, широка,
 Хотя нет ни шиша за душой.
 Где-то в самый разгар
 Я забрёл в один бар,
 Бар гудел, как рассерженный рой.
 Бар смеялся и пел,
 Я у стойки присел
 С контрабандой своей под полой.
 В подходящий момент
 Появился клиент,
 Озираясь по всем сторонам:
 «Рашн водка?» - «О'кэй» -

«Гив ми мани скорей!»
 И ударили мы по рукам.
 Как доллары хрустят,
 Тешат ласково взгляд.
 Они есть не всегда, не у всех.
 Крикнул я: «Эй, бармен!
 Хочет тут рашн мен
 Сполоснуть грандиозный успех!»
 Робко первый бокал
 Сдуру в руки я взял,
 Завертелось всё колесом...
 С кем я пил, с кем я пел?
 Я узнать не успел,
 Как на судно добрался потом.
 Прогорел бизнес мой,
 И с больной головой
 Ухожу я обратно в Союз.
 Жизнь коварна и зла,
 Вот такие дела.
 Делать бизнес теперь я боюсь.

ЛЮДОЕДЫ

Не на атоллах диких Туамоту,
 Под гик татуированных вождей –
 Я видел, как едят с большой охотой
 У нас вполне порядочных людей.
 Сперва внезапно жертву оглоушат,
 Смакуя всласть страдания её,
 Потом умело рвут на части душу,
 Перетряхнув постельное бельё.
 Судилища устроят показуху,
 В предчувствии поминок скаля рты,
 Узлами свяжут домыслов и слухов,
 Опутают верёвкой клеветы,
 Пошелестят бумагами сначала,
 Пошепчутся, как их велит закон,
 И, соблюдая тайну ритуала,
 Раздуют злобно жертвенный огонь.
 Каким богам и идолам молиться?
 Ищу ответ на это много лет,
 Чтоб ни-за-что-ответственные лица
 Из нас не приготовили обед.
 1990 год.

О ЛЬГОТАХ

Я после смены шёл вчера домой,
 Отплёвывая громко пыль забоя.
 Гляжу: народ стоит на мостовой
 С шести утра. Что, думаю, такое?
 Неужто в шахте где опять завал?
 Но вроде бы на траур не похоже.
 «Дают сосиски», - кто-то мне сказал.
 Не мешкая, я встал за ними тоже.
 А очередь бунтует и бурлит,
 Здесь, как на конкурсе вопросов и ответов,
 Узнаешь всё, чего не знает МИД,
 И что не напечатают в газетах.
 Какой-то чуть придавленный чудак,
 Хрипя, кричит: «Нахалы, хамы, свинство!»
 Где он ещё почувствует вот так
 Локтей и ног сплочённость и единство.
 Произошёл к обеду сильный сдвиг,
 Усилилась в рядах последних давка.
 Я невзначай негаданно достиг
 Заветного и грязного прилавка.
 «Куда суёшься, не тебе ложу, -
 Особа рывкнула в лицо с остервененьем, -
 До перерыва только обслужу
 По справкам и по удостовереньям.
 «Ну как же так, товарищ продавец», -
 Хотел свои я выложить сомненья.
 «Ты что, не видишь разве – это спец,
 Не для таких, как ты, распределение!»
 Какой поднялся сзади шум и гам!
 Мою досаду им понять легко ли?
 Читал я, запинаясь, по слогам
 На видном месте правила торговли.
 Домой пришёл – умыться нету сил.
 И натошак опять спускаться в лаву.
 Как жаль, что я ещё не нарубил
 Вместо угля себе ни льгот, ни славы.
 На жидкий чай я долго злобно дул,
 В крушении сосисочных желаний.
 Не раздеваясь, тяжело уснул
 До новой смены, сидя на диване.
 Мне снился сон (голодный ум шалит):
 То был я где-то очень важным членом,

То был Герой, то ветеран, то инвалид,
С кормящей матерью одновременно...

СЛОВА

Все знают, что язык –
Душа и жизнь народа.
Зачем же так привык
Народ к словам-уродам?
Неверная молва
Гласит, что время лечит;
Болят, болят слова
Поньше в нашей речи.
Словарь ненужный тот
Ещё гнетёт и ранит,
Трудов кровавых плод
И лексикон тиранов.
Кто раз хоть из тюрьмы
С вещами ночью вышел –
Чего не слышим мы,
Он явственно услышит.
Обжита Воркута
И «Колыма» отпелась,
При сказанном «ЭТАП»
Зачем же дрожь по телу?
Нам бросится в глаза
Простая надпись «СЕКТОР».
(...Ему кричат: «Назад!»,
И – пуль свистящий вектор.)
«Передовой отряд» -
Статейка низшей пробы.
(Конвоя злобный взгляд.
И – роба, роба, роба...)
Родители милы,
Ребёнок едет в лагерь.
(Он слышит визг пилы,
Скрипящий голос драги).
Ему сосед сказал:
Опять командировка.
(Тайга. Лесоповал.
Мороз и «перековка»)
За «нерушимый блок»
Зовут отдать свой голос.
Он знал за долгий срок

Барачных блоков холод.
 Подписан где-то пакт:
 «Безъядерная зона».
 (Колючка. Лай собак.
 Охранники в погонах.)
 Философ подал глас
 О следствии причины.
 (Под следствием не раз
 Плакали мужчины).
 Платформу депутат
 Составил, стало модой.
 (Кошмарно без лопат
 Грузить её породой).
 Слов диалект суров –
 Корявых, злых и громких.
 Вот если бы тех слов
 Не слышали потомки...

Раздел: МУЗЫКА СЛОВ
 (песни)

ЦЫГАНСКАЯ

Серебро ковылей, алый отсвет заката
 Не спеша укрывает прохладой ночной...
 Я вернусь в шумный табор, как раньше когда-то –
 Прикоснуться к веселью озябшей душой.

Припев:
 Колокольчик засмеётся,
 Зарыдает, запоёт,
 Мне цыганка улыбнётся
 И лукаво подмигнёт.
 Там, за синей дальней далью,
 Радость смешана с печалью –
 Что меня за этой далью ждёт?..

Заискрятся костры в перезвоне гитары,
 В стоне скрипки рассыплется дробь каблуков.
 Длиннокосой (Черноглазой) волшебницы сладкие чары
 Околдуют под пологом пёстрых шатров...

Припев:
 Колокольчик засмеётся,

Зарыдает, запоёт,
 Мне цыганка улыбнётся
 И лукаво подмигнёт.
 Там, за синей дальней далью,
 Радость смешана с печалью –
 Что меня за этой далью ждёт?..

Заведут на рассвете кибиток колёса
 Кочевую мелодию прожитых дней,
 Засверкают алмазами яркими росы –
 Словно слёзы прощания в гривах коней!

Припев:
 Колокольчик засмеётся,
 Зарыдает, запоёт,
 Мне цыганка улыбнётся
 И лукаво подмигнёт.
 Там, за синей дальней далью,
 Радость смешана с печалью –
 Что меня за этой далью ждёт?..

2008 г.

НАХОДКА

Над сопками туман. И Тихий Океан
 Романтикой манит, зовёт, тревожит.
 Спросите, не таясь, у наших горожан:
 Где город есть ещё милее и дороже?

Припев:
 Находка-порт, Находка – славный город,
 Вперёдсмотрящим зорко вдаль гляди!
 Ты так красив и бесшабашно молод,
 И у меня, и у тебя – всё впереди!

Мы связаны с тобой счастливою судьбой,
 Разлук и встреч неразделимым кругом.
 Находка, город мой, расти, цветы и пой,
 Мы так с тобой нужны, поверь, друг другу.
 Припев.

Не верьте никому, у нас – не край земли,
 У нас – её великое начало.
 Везут из дальних стран на мачтах корабли

Таинственный рассвет к родным причалам!
Припев.

ЮБИЛЕЙ

Друг, сегодня веселись, гуляй и пей,
Пусть вино хмельной волной окатит.
Этот странный праздник – юбилей –
Так не вовремя пришёл и так некстати.
Козырь наш жестоким временем побит,
(Правда,) Хотя мы ещё по-юношески рады,
Когда (если) в жар бросает и знобит
От лукавых мимолётных женских взглядов.

Припев:

Время тает, время тает. Ну и что же,
Что остались мы с тобой не при делах –
Это просто кто-то очень непохожий
Поселился в наших светлых зеркалах...

Горький иней осени мужской
Серебрит виски холодным цветом,
И поверить очень нелегко
В то, что молодость осталась где-то, где-то...
Нам не выбрать нового пути
Ни мольбой, ни жалостью, ни плачем –
Не пойдём, не поплывём, не полетим
В даль манящую за призрачной удачей.
Припев.

Кто-то неизвестный по земле
Колесо судьбы упрямо катит.
Всё нормально, только юбилей
Так не вовремя пришёл и так некстати.
Припев.

ФУТБОЛ

Есть у нас вполне мужское дело:
Мир футбольный – строгие законы.
В яркой форме мы выходим смело
В схватку на арену стадиона.

Припев:

Оле-оле-оле,
 Беснуются трибуны!
 Оле-оле-оле,
 В чужих воротах гол!
 На зелени полей
 Проходит наша юность.
 Оле-оле-оле,
 Да здравствует футбол!

Мы залечим поражений раны,
 Будет матч отчаянным и чётким.
 Как Находки нет без «Океана»,
 Так и «Океана» без Находки.
 Припев.

У болельщиков в восторге рвутся глотки
 За игру без фальши и обмана,
 Постоим за честь родной Находки,
 За спортивный титул «Океана»!
 Припев.
 1.12.2000г.

ПЬЯНАЯ ПЕСНЯ

Когда в сердце нестерпимо стонет боль
 И зелёная тоска постыло душит,
 Не лекарства, а заветный алкоголь
 Греет русскую загадочную душу.

Припев:
 Зелёный змей, зелёный змей,
 По самой маленькой налей,
 Чего покрепче и позлей
 Не пожалей.
 Зелёный змей – твоя вина,
 Что я сегодня с бодуна.
 Кто подзадоривал: «До дна,
 Давай до дна!»

Неспроста живёт в бутылке хитрый джин,
 Опьяняя сладким бульканьем и звоном –
 От букета благородных тонких вин
 До забористого злого самогона

Припев:

Зелёный змей, зелёный змей,
 По самой маленькой налей,
 Чего покрепче и позлей
 Не пожалей.
 Зелёный змей – твоя вина,
 Что я сегодня с бодуна.
 Кто подстрекал вчера: «До дна»?..
 И я - до дна!

Мы в России никогда не бросим пить
 С буйной удалью, с азартом и размахом.
 Суждено нам погусарить, покутить,
 А потом продать последнюю рубаху.

Припев:
 Зелёный змей, зелёный змей,
 По самой маленькой налей,
 Чего покрепче и позлей
 Не пожалей.
 Зелёный змей – твоя вина,
 Что я сегодня с бодуна.
 Кто уговаривал – до дна,
 Ведь жизнь одна?

Раздел: НАШИ КОНИ УЛЕТАЮТ В ВЕЧНОСТЬ

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ

В злое царство асфальта, бетона, стекла,
 Где в жаре задыхается площадь,
 Непонятно откуда и как забрела
 Настоящая белая лошадь.
 Многолюдье, пестрея, плывёт и спешит
 Но, как будто спросонок,
 Рвут упорно из рук матерей малыши
 Стебельки неокрепших ручонок.
 То-то встал, всё забыв, на проезжую часть,
 Кто сторонкой обходит пугливо,
 А она – знай себе головою качать
 Да трясти, звонко фыркая, гривой.
 Город в тысячи глаз удивлённо глядит
 А пришелицу. Эх, горожане!
 Пусть в бензиновой гари набатом гудит

Лошадиное гордое ржанье!
 Наша память, наверно, короткой была,
 Если образ коня в ней искрошен.
 В прошлом всех нас когда-то она привела
 Из села, эта добрая лошадь.
 Она верой и правдой служила века,
 Разделяя труды и невзгоды.
 В хлопьях пены кровавой вздымались бока
 От повозок, плугов и походов.
 А теперь вот стоит, как последний укор,
 Призывая: «Одумайтесь, люди!
 Ваш могучий всеильный зловещий мотор
 Всё живое бездумно погубит.
 Посмотрите, как стонет, страдая, земля.
 В скудной зелени – чёрные росы.
 Наши общие нивы, леса и поля
 Давят траки и режут колёса.
 Ваши дети уже в разнотравных лугах
 Не потрогают взглядами вечность...»
 И стоит в лошадиных глубоких глазах
 Страх за нашу судьбу человечью.
 Город мощными трубами злобно кадит,
 Ветер лозунгов ткани полощет.
 Ты почаще к нам в мысли, сердца заходи,
 В нашу совесть... забытая лошадь.

О БЕЗДОМНОЙ СОБАКЕ

Разлита по городу серая слякоть,
 Беснуется ветер с холодным дождём,
 Под дверью гостиницы мокнет собака,
 Как будто хозяина преданно ждёт.
 Она не скулит над судьбой безутешной,
 Привыкнув к презренью собак и людей.
 За очень её неприглядную внешность
 Нет ей ни приюта, ни пищи нигде.
 На морде следы от укусов и палок,
 И в выцветшей шерсти худые бока.
 До боли был вид её мрачен и жалок,
 Сама потянулась к ней как-то рука.
 Она, этой ласке нисколько не веря,
 Готова сорваться от шутки любой.
 Лишь только глаза полудикого зверя
 Признательно вспыхнули вдруг добротой.

Эх ты, бедолага! Не бойся, я тоже
 Из рода таких же бездомных бродяг.
 Мы, знаешь, с тобой как-то странно похожи,
 Нет, я никогда не обижу тебя.
 В гостиничный номер от холода спрячу.
 Свой ужин, как с другом, с тобой разделю...
 Немного ведь нужно нам в жизни бродячей,
 А жизнь эту я по-собачьи люблю.

ГЛУХАРИХА

Заливался самец на току
 Перед самкой своей на лугу,
 Разноцветный наряд распускал,
 Исполнял брачный свой ритуал.
 Он с соперником выиграл бой,
 Согласилась она на любовь.
 Вместе свили они под кустом
 Глухариный супружеский дом.
 Укрывали пушком без конца
 Свои первых четыре яйца.
 И уже две недели подряд
 Дожидались детей-глухарят.
 Но коварно и зло, как всегда,
 К ним подкралась большая беда.
 Утром лес по-весеннему пел,
 На кормёжку глухарь улетел
 Далеко-далеко от гнезда –
 Глухариха осталась одна.
 Вдруг пахнуло далёким костром,
 Стало трудно дышать под кустом.
 Затревожилась самка в гнезде:
 Быть беде, быть беде, быть беде.
 Где же ты, долгожданный глухарь?
 Не упал ли ты в чёрную гарь?
 Что же делать мне, как же мне быть,
 Кто поможет гнездо сохранить?
 ...Полетел по деревьям огонь,
 Красногривый безудержный конь.
 Ещё можно над лесом взлететь,
 За черту огневую успеть.
 Только слышно: сквозь копоть и смрад
 В скорлупе глухарята стучат.
 Что придётся супругу сказать?

Как взглянуть виновато в глаза?
 Если бросить в огне глухарят,
 Они, свет не увидев, сгорят.
 Затрещал можжевеловый куст.
 Рядом вот уже огненный хруст.
 Бросить дом нет у матери прав.
 И она, глубже шею вобрав,
 Слыша запах палёный хвоста,
 Скрылась в пламени ярком куста.

СКАКУН

Откуда коня привели, неизвестно,
 Но был он прекрасен, как буйная песня,
 Сердец беспокойных залётное счастье –
 Горячий скакун редкой огненной масти.
 Точёные ноги, глаза – что колодцы,
 Легчайшая поступь – краса иноходца.
 В хмельном перезвоне стремян и удил
 Тузом по рукам и базарам ходил.
 Взметалась пожаром косматая грива,
 Копытная дробь говорила игриво.
 В сияющей жаром богатой узде,
 На скачках был первым всегда и везде,
 Жёг ветром наездникам лица до боли
 В степном залихватском ковыльном раздолье.
 Цыганская зависть, мечта конокрада,
 В дороге – надёжнее друга не надо.
 Со свистом тревожные вёрсты летели,
 Подковы, как ясные звёзды, блестели,
 Кружил быстрокрылой нестреляной птицей,
 Гарцуя до самой монгольской границы,
 Цветами роня горячую пену, -
 Там знают подобным сокровищам цену.
 Посмотришь на это редчайшее чудо -
 И дьяволу душу продашь, как Иуда,
 Потянутся руки в волнение нетрезвом
 Под чёрные мысли к ножам и обрезамам.
 Напрасно скрывали его под запоры,
 Такому стихия – степные просторы,
 Табун да душистые мятные травы.
 Эх, жал, коротка лошадиная слава!
 В шальном поединке с трёхлеткой-каурым
 Однажды красавец сорвался с аллюра.

Впустую над ним колдовали ревниво –
 Повылезла клочьями рыжая грива.
 Какой-то барыга, по холке ладонью
 Похлопав, сказал: - Забираю на бойню.

Я видел всё это, я был как в бреду:
 Мечту уводили мою в поводу,
 И мир мне казался пустым и понурым.
 Как страшно однажды сорваться с аллюра...

ЛИСА

След лыж у просеки искрится под луной,
 И в мареве морозного тумана
 Выходит на свой промысел ночной
 Лиса, не чувствуя подвоха и обмана.
 Бесшумной тенью меж кустов скользнув,

Привстав на задних лапах с елью рядом,
 Расцветивает снега белизну
 Богатым рыже-огненным нарядом.
 Вдруг рыжий ком в крови упал на снег.
 Покой тайги от выстрела расколот.
 Зачем ты сделал это, человек:
 Тебя же, как лису, не мучил голод?..

В СТЕПИ

Машут чёрными крыльями гривы коней
 Над дорогой, что вечностью длится.
 Как бы мне доскакать до заветных огней
 И с дороги не сбиться?
 Тусклый месяц над степью вопросом повис,
 Груз тревоги и давит и гложет.
 А мороз, как злодейский разбойничий свист,
 Пробирает по коже.
 За спиной голосить начинает метель,
 Сумрак щерится волчьим оскалом.
 Ещё можно из плена снегов улететь,
 Да мешает усталость.
 Рвёт настойчиво выстрелом яростный кнут
 Жуткой ночи покровы.
 Пусть последней надеждой ещё раз блеснут

Над сугробом подковы.
 Кони, кони, несите, родные, вналёт,
 Соберите последние силы!
 Впереди нас тепло долгожданное ждёт –
 Позади только степь, как могила.

+ + +

Копыта бьют задорный дробный степ,
 В упряжке сила, красота и удаль.
 Летит навстречу золотая степь
 В зелёных колках ярких изумрудов.
 Горит огнём набор плетёных шлей,
 Скрипят гужи, натянуты постромки.
 Несётся рыжим смерчем по земле
 Шальная пара весело и громко!
 Ловя ноздрями дикой воли вкус,
 Куда там к чёрту скорость лимузина,
 Я об заклад уверенно побьюсь –
 На свете нет прекраснее картины.
 В атласных гривах музыкой звенит
 Колючий ветер, и азарт – до дрожи!
 Ещё мгновенье – вырвутся они
 Из собственной покрытой потом кожи.
 Красавцы-кони шеи гордо гнут
 Под свист разбойный кучера-повесы.
 Пусть ноги лёгкие вас, кони, унесут
 От волчьей пасти хищного прогресса...

НАШИ КОНИ УЛЕТАЮТ В ВЕЧНОСТЬ

Волчий стон рвёт сумрак жёсткой плетью,
 Злым оскалом щерится луна.
 Зацепилась о порог столетий
 Светлая подкова скакуна.

Даль не вспенят шёлковые гривы
 В разудалом цокоте копыт.
 Бубенцом залётным, говорливым
 Тишина дорог не прозвенит.

Не украсят «Формулы» и ралли
 Скуку безрассудных наших дней.

Люди сами у себя украли
Дорогих, породистых коней,

Вороных, игреневых и чалых,
Серых в яблоках, саврасых и гнедых,
Тех, что в тройках сумасшедших мчали
Под венец счастливых «молодых».

Тех буланных, рыжих и каурых,
Гиблой ночью выбранных не зря,
Уносящих бешеным аллюром
Краденых невест от алтаря.

Наступила новая эпоха
Прагматичных взглядов и идей.
Только знайте, будет очень плохо
На земле без верных лошадей.

Никакое время не залечит,
И никто утраты не простит.
Наши кони улетают в Вечность
Табуном по Млечному пути.

ЖЕРЕБЁНОК

По ковру цветами вышитого луга,
Не жалея неокрепших ног,
Как кузнечик, скачет резво и упруго
Несмышлёный жеребёнок-стригунок.

Звонко ржёт и бьёт игрушечным копытцем.
Гривка-щёточка не стелется пока.
Хочется ему в галопе диком взвиться
И лететь без передышки к облакам.

Накупавшись до озноба в дне погожем,
Он не в силах резвость детскую унять.
Ах, как хочется скорее стать похожим
На горячего, красивого коня.

Жеребёнок золотистой яркой масти,
На тебя смотреть забавно и светло.
Это воля, это радость, это счастье!
Не спеши надеть уздечку и седло.

+ + +

В прозрачной дымке бесконечный луг
 Дурманит сочным клеверным разливом.
 Отфыркиваясь, повод рвёт из рук
 Танцующий скакун нетерпеливо.
 Меха́ми ходят круглые бока,
 Ложится пот росинками на крупе,
 А поступь грациозна и легка,
 А стать – любого красотой подкупит.
 Закусывает злобно удила,
 Глазами в буйном гневе дико косит,
 Стараясь ускакать из-под седла
 И седока с себя постыдно (победно?) сбросить.
 Он гордо ржёт. Он просится в полёт
 В иной простор, не покорённый нами –
 Туда, где Необузданность живёт,
 Туда, где нет удил со стремями!

ДЕРЕВЕНСКАЯ БЫЛЬ

Рвал снежный ветер коршуном голодным
 Черёмух крылья злобно под окном.
 Который день за ближним огородом
 Метель висела белым полотном.
 Коптил фитиль давно забытой лампы –
 Оборвало с обеда провода.
 На сельский дом протягивала лапы
 Нежданная холодная беда.
 Не находил хозяин в хате места,
 Как будто в чём была его вина:
 Стонала в схватках родовых невестка,
 Солдата-сына в горнице жена.
 Молоденькая горе-фельдшерица
 Сквозь слёзы робко выдавила стон:
 «Роженицу везти надо в больницу –
 Без промедленья, нынче же «в район».
 А до района вёрст пятнадцать с гаком,
 Как по старинке люди говорят.
 В такую ночь на улицу собаку
 Из хаты палкой выгонишь навряд.
 Бессильны здесь машина или трактор –

Погода не взирает на мольбы.
Чернеют чуть над занесённым трактом
Крестами телеграфные столбы.
Хозяин полушубок обречённо
Надел, сутулясь, шапку подвязал.
Шагнув с крыльца во мраке бело-чёрном,
Мгновенно изваянием пропал.
С больной неразрешённой заботой
На дальний неприметный огонёк
Спешил он по сугробам и намётам
К конюшне старой, не жалея ног.
Там конюхом с неведомой эпохи
Работал дед, всегда навеселе,
По имени, по прозвищу ль – Митроха,
Для всех без исключенья на селе.
Ворота, грузно петлями проохав,
В лицо плеснули робко света нить.
Вошедший простонал: «Спасай, Митроха,
Сноха не может с вечера родить!»
Отставил деловито конюх вилы,
Перехватив в мольбе застывший взгляд.
«Попробуем – эх, где нас не носило,
Нам чёрт с моим приятелем не брат!
Подумаешь – буран, беда какая,
Бояться стужи нам ли, старикам?» -
Дед рассуждал, в кошёвку запрягая
Под цвет пурги красавца-рысака.
Проситель стал столбом в недоуменьи:
«Митроха, что ты, шутишь, бог с тобой?
Известно всем, что этот конь с рожденья
На оба глаза полностью слепой!»
Ответил кучер невесёлой шуткой:
«Такие рассужденья не по мне.
В такую ночь слепому даже жутко,
А зрячему – тем более, вдвойне!»
Конь тронул с места крупной смелой рысью,
На восемь бед – всегда один ответ.
И за кошёвкой, крадучись по-рысьи,
Пошла опасность, заматая след.
На всё на свете яростно озлобясь,
Рычала степь припадками пурги.
Вперёд на расстояние оглобель,
Как ни смотри, а не видать ни зги.
Равнин ковыльных крут зимой характер,
Беда тому, кто плохо с ним знаком.

Собыётся путник запоздавший с тракта –
 Сверкнул снега зелёным злым огнём...
 Стелилась с визгом по метели грива,
 Возница груз тулупом укрывал.
 Рыдала хромкой рванью говорливо
 Со скрипом на ухабах кошева.
 Казалось – здесь конец всему живому,
 Рысак в заносы лез порой по грудь,
 Сквозь непроглядный жуткий белый омут
 Чутьём каким-то выбирая путь.
 Колючий холод пробирал до дрожи,
 Не утихал буранных песен вой.
 Шептал притихший кучер, бросив вожжи:
 «Не подведи, не подведи, родной!»
 Отчаяньем, тревогой, страхом, вьюгой
 Мир наполнял за шквалом новый шквал,
 Но острые гранёные заступы
 Кон, фыркая, копытами сбивал.
 Пурга мела в неистовом разгуле,
 Задуть стараясь отблески зари
 И, наконец, победно чуть блеснули
 Районного посёлка фонари.
 Рысак стоял, прикрыв устало веки,
 Сполна исполнив лошадиный долг.
 Он твёрдо верил в силу человека,
 А дед Митроха в лошадях знал толк.

Раздел: ЗВЕЗДА ПРОЩАЛЬНАЯ ГОРИТ

БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ

Не в большом театре, не в концертном зале
 Выступал последний бродячий музыкант.
 Пальцы его быстрые на ладах плясали.
 Ах, какой же это был виртуоз, талант!
 Его песни странные скромно зазвучали
 На вокзале в маленьком тихом городке.
 Сколько было смешано грусти и печали
 В них о невозвратном прошлом далеке!
 Робко и застенчиво подходили люди
 Песенных историй послушать красоту.
 И лилась мелодия в тепловозном гуде,
 Льдинками весенними тая на лету.

Стало будто солнечней в зале ожидания.
 Бисером аккорды сыпал чародей.
 Звонче и уверенней лил и лил страдания –
 С такими переливами, как раненый Орфей.
 Шляпа грязно-рваная вдруг пошла по кругу.
 Струнам звонко вторила желтизна монет.
 Одни бросали, брезгуя, другие – словно другу.
 И он всю душу выплеснуть вторым хотел в ответ.
 Два сержанта строгие, в форме, из милиции,
 Подошли, заставили за собой пройти.
 Закричали струны вспугнутыми птицами,
 Голос, чуть надорванный, над толпой затих.
 Музыкант непризнанный не играл теперь уже.
 Замер неожиданно светлых нот накал.
 И гитару старую, как невесту, бережно,
 Как подругу верную, к сердцу прижимал.
 Кто он и откуда он – так и не узнали мы.
 Заспешили к поезду, опустел перрон.
 Все, кто его слушали на маленьком вокзале,
 Шлют ему, безвестному, низкий свой поклон.

ВОСХИЩАЙТЕСЬ ЖИВЫМИ!

Жизнь поэтам строго чертит
 Рано плит могильных грани.
 С опозданием, после смерти
 К ним приходит час признанья.

Вдруг спохватятся, да поздно,
 Люди в стоне погребальном,
 Вырывая скрупулёзно
 Слов забытых гениальность.

В дар несут цветы и речи,
 Над надгробьем с плачем шепчут.
 Но от этого не легче
 Им, без времени ушедшим.

Именам при жизни стёртым –
 Почесть благодарной данью.
 Но зачем нужна им, мёртвым,
 Эта слава с опозданием?

Их не ведали, не знали,

Проходили шумно мимо,
А они признанья ждали
От толпы неумолимой.

Их сердца и нервы рвались,
Словно струны, от ударов,
Их талант критиковали
Те, кто попросту бездарны.

Они жили, умирая,
Души ложью поизранив,
От житейского от рая
Отказавшись в честь призванья.

Сколько их с парнасской кручи
Оборвалось молодыми!
Восхищайтесь! Только лучше
Не умершими – живыми...

В ЦЕРКВИ

Под звон колокольный вошли мы с тобой
В церковные своды, робея.
Пел хор о блаженстве судьбы неземной,
Преданьями старыми вея.
Мы робко стояли под взглядом святых,
Глядящих из рамок иконных,
И в это мгновенье казалась мне ты
Мадонной.
Земной красоты неподдельная власть
Превыше небес благодати.
Хотелось к ногам твоим с криком упасть,
Как грешник к распятью.
В мерцании сумрачном тусклых свечей
Глаза мне твои говорили
О тайнах безумных прошедших ночей,
О радостной сказке и были.
Пречистая дева глядела на нас,
Презрев свои райские кущи,
И брызнули слёзы у девы из глаз
От зависти к грешно живущим!

ЗВЕЗДА ПРОЩАЛЬНАЯ ГОРИТ

Звезда прощальная горит
В полночном небе.
Я уезжаю – не кори,
Таков мой жребий.
В обжитом номере моём
Постель заменят.
Мы часто в этой жизни бьём
Не в те мишени.
Разлуки боль вокзальный гам
Целебно вяжет.
Лишь только незаметный шрам
На сердце ляжет.
Быть может, этот мой билет –
Моя ошибка.
Как часто был я обогрет
Твоей улыбкой!
Вот так всегда в моей судьбе:
Покой не найден.
Я буду помнить о тебе,
А слёз не надо.

КАВКАЗ

Прости меня, мой друг, прости,
Что я тебя не защитил.
В чужих стреляющих горах
Так много крови.
В чужих стреляющих горах
Мы воевали не за страх,
Мы воевали не за страх –
За честь и совесть.
Кавказ, Кавказ, седой Кавказ,
Ты не манил кого из нас,
Вершинами сияя величаво?
Ты наяву теперь, Кавказ,
В слезах и ранах, без прикрас –
Позор России и России слава.
Так вышло, что я жив и цел,
Проклятый снайперский прицел
Сегодня вырвал не меня
Из жизни круга.
Кого казнить, кого винить?
И волком хочется завывать.

Кто скажет, как мне дальше жить,
 Как жить без друга?
 Кавказ, воинственный Кавказ,
 Предательский фугасов бас
 Мотивом смерти и огня в ущельях воет.
 Мы победим тебя, Кавказ!
 А слёзы катятся из глаз
 За тех, кто пали ради нас
 На поле боя.
 Война, на то она война.
 Мы заплатили всё сполна.
 Стоят ребята, зубы сжав,
 Потупив взоры.
 Всё происходит как во сне:
 Увозят друга на броню,
 Увозят друга на броню
 Сквозь злые горы.
 Кавказ, Кавказ, седой Кавказ,
 Ты многих не вернул из нас,
 Не в силах усмирить крутого нрава.
 Кавказ, Кавказ, седой Кавказ,
 Прошу, пойми в свой горький час –
 Непобедим российский стяг
 С орлом двуглавым.

+ + +

Сотни вёрст заповедной глуши,
 Синь тайги: глянь направо, налево –
 Там живёт в моём замке души
 Королева.
 Нет владений богаче, не спорь:
 Две палатки под кедром ветвистым,
 Оглушённая розовость зорь -
 Соловьиным разбойничьим свистом.
 Котелок над весёлым огнём,
 В нём – дымящийся суп глухаринный,
 На обед га покладистым пнём –
 Именины!
 Серебрится волшебный ручей,
 По ночам – комаров серенады;
 Где-то рядом Бессмертный Кощей
 Позапрятал несметные клады.
 Королева дремучей тайги,

Пусть твои небогаты наряды:
 Телогрейка, «хэ-бэ», сапоги, -
 Да зато свита верная рядом.
 Ты на первом маршруте идёшь,
 Не отстать всё стараешься тщетно,
 Молишь чёрта иль бога, чтоб дождь –
 Тогда слёз хоть не будет заметно.
 У тебя отбирают рюкзак,
 Когда тело усталостью крошит,
 И от этого в светлых глазах
 Легче ноша.
 Ни Бурбонам, ни роду Стюарт
 Не добиться такой бы вот власти
 Над бедовостью наших ребят
 Непокорной, бродяжьей династии.
 Королевства медвежьей глуши,
 Далеко ли вы, близко ли, где вы?
 Лишь осталась на троне души
 Королева.

+ + +

Человек родился невзначай
 От случайной мимолётной связи.
 Почему сиротством отвечать
 За бездумность взрослых он обязан?
 Не заботой материнских рук,
 Не теплом души её и тела
 Встречен его первый в жизни звук –
 Стенами палаты омертвелой.
 Мать – ни мать, ни женщина, а кто?
 В забытии, в беспамятстве, в бреде ли –
 Собрала халат, чулки, пальто,
 В спешке написав: «Не претендую».
 И ушла – красивой, молодой,
 Бёдрами широкими качая,
 Причитанья нянечки седой
 Легкомысленно не замечая.
 А малыш во все свои силёнки
 Продолжает жалобно кричать,
 Раскидав холодные пелёнки, ищет мать.
 Он накормлен будет и согрет
 С первых дней своих людьми чужими,
 И ему роддомовский совет

Выберет фамилию и имя.
 В жёстком проштампованном белье
 Он осилит садика программу,
 И украдкой будет много лет
 Про себя шептать тихонько «мама».
 Дом малютки, дальше – детский дом,
 Злой судьбы изломанные веши;
 Дом казённый, словно в горле ком,
 Детство в нём без радости и смеха.
 День за днём, за годом каждый год
 Ждать и верить будет он упрямо,
 Что его отсюда заберёт
 МАМА.
 ...Повзрослев, отыщет адреса,
 Постучится в дом, о нём забывший,
 Чтобы молча посмотреть в глаза
 Женщине, на свет его родившей.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Узлы, рюкзаки, чемоданы,
 На подоконнике сон.
 Аэропорт Магадана –
 Заснеженный наш Вавилон.
 Смешенье одежд и наречий,
 А рейсов неделями нет,
 Как новгородское вече
 Шумит вечерний буфет.
 Косматые сумерек клочья
 Над портом исчезли едва,
 Взлетает полярный извозчик –
 Надёжный трудяга АН-2.
 Не радуется лётчиков сводка,
 Погоды другой не нашлось.
 За Чайбуху на Чукотку
 По-русски летим «на авось».
 Попугчица чинно и важно
 Манерно защёлкнув ремень,
 С трёхсуточным северным стажем
 Вдруг обратилась ко мне:
 Простите моё состояние,
 Что запросто к вам пристаю,
 Смогу я увидеть сияние
 За эту поездку мою?

Я много про Север читала,
Он – моя тайная страсть.
Я долго упорно мечтала
В безмолвие это попасть».
В полёте текут разговоры
О тайнах далёкой земли.
И вот уже белые горы
В равнинную тундру легли.
Чукотка – как сказка о прошлом:
Яранги, яргиши, ярар...
Но только в модельных сапожках
Зимой сюда ехать – кошмар.
ознобе срывается голос,
Мороза объятья круты.
Какой-то бродяга-геолог
Молча снимает унты -
Поверьте, о жесте об этом
Не просто в словах рассказать.
И вспыхнуло радужным светом
Сиянье в озябших глазах!